

АННА ШНАЙДЕР



Анна Шнайдер

Не любовница

<https://litres.ru/74204709>

Аннотация

К таким мужчинам, как её шеф Михаил Алмазов, Оксана Воронина испытывает лишь презрение: любовниц он меняет несколько раз в год. И это при наличии жены, с которой прожил в браке около двадцати лет, и двоих детей! Каков мерзавец, а? Поэтому Оксана терпеть не может Алмазова. И, конечно, абсолютно не мечтает пополнить ряды его любовниц. Но... погодите-ка... что он в таком случае делает в её постели наутро после корпоратива?..

История Юры, сына Михаила - "Сломанная".

Тег "измены" во множественном числе выставлен, так как в книге речь пойдёт о большом их количестве))) Но не между главными героями. Обсуждение героев и кидание в них гнилыми помидорами всячески приветствуется автором, но переход на личности будет пресекаться)

Содержание

Пролог	4
1	8
2	13
3	18
4	22
5	25
6	30
7	35
8	40
9	43
10	48
11	51
12	54
13	62
14	68
15	73
16	79
17	85
18	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Пролог

Оксана, закусив губу, стояла возле своей кровати и смотрела на развалившегося на ней шефа. Он спал, чуть посапывая и широко раскинув руки, как человек с кристально чистой совестью. Даже ненавистное лицо казалось сейчас милым: расслабленное и мягкое, оно было каким-то беззащитным, лишённым привычной суровости. И если бы не стойкий запах перегара, заполнивший комнату, как дым во время пожара, она бы даже залюбовалась.

Оксана отвернулась и повела затёкшими плечами. Из-за шефа, занявшего её кровать, она была вынуждена ютиться на крошечном кухонном диване, страдая от невозможности принять удобную позу. В итоге всё-таки свалилась с него под утро, набив небольшую шишку на лбу. И теперь собиралась предъявить эту шишку шефу и потребовать компенсации за неудобства. Денежной компенсации, разумеется. Больше ей ничего от начальника нужно не было. Только премию бы заплатил.

Хотя... вдруг вздумает уволить? От Алмазова вполне можно было ожидать подобного поведения. А что, почему бы и нет? Оксана видела его в абсолютно непрезентабельном виде: держала за шиворот, пока шефа тошнило за углом ресторана, где у них проходил корпоратив, потом заталкивала его пьяную тушу в такси и пыталась вытрясти адрес достав-

ки. И если бы у неё это получилось, она бы в жизни не привезла Алмазова к себе домой. Но, увы — шеф только что-то невнятно блял, а таксист ругался, что высадит их посреди трассы, если пьяный пассажир оставит свой след в его драгоценной машине. Пришлось, пообещав горячему кавказцу тройной тариф, назвать свой адрес, а потом ещё тащить Алмазова на собственном горбу до лифта и из него до квартиры.

Дома Оксана сбросила шефа на пол, как мешок с картошкой, посмотрела с ненавистью, хотела пнуть, но сдержалась. Вдруг вспомнит подобное поведение от собственного секретаря и уволит? Нет уж. Пусть валяется. А она пока примет душ и переоденется.

Не было Оксаны от силы минут пятнадцать, но когда она вышла из ванной, то обнаружила, что посторонний пьяный предмет переместился из прихожей в комнату, да ещё и имел наглость улечься на постель и уснуть! Возмущению её не было предела, и какое-то время она стояла над кроватью, гневно пытая и воображая, как стягивает шефа с постели на пол, а потом — да-да, опять! — пинает его ногами.

Но ничего подобного Оксана делать не стала. Во-первых, тогда увольнение ей светит как пить дать. Во-вторых, перед тем, как лечь, напившийся в зюю Алмазов стащил с кровати покрывало и теперь лежал на её постельном белье. Ложиться туда после него, ещё и пьяного?! Фу!

Ну и в-третьих, Оксана опасалась, что если потревожит

покой шефа, то его может стошнить, и тогда придётся не только терпеть присутствие этого пьяного тела, но и убирать последствия. Кто любит убирать за пьяными? Правильно, никто. И Оксана благоразумно решила, что оставит Алмазова там, куда он завалился, а сама ляжет на кухне. А утром, когда шеф придёт в себя, потребует премию.

Вот только утро уже настало, а начальник в себя не приходил. Спал, аки счастливый младенец, едва слюни не пускал. И Оксана злилась. Напился, значит, он, а страдает она! И вообще, почему он здесь, а не у какой-нибудь из своих фигуристых любовниц?!

«Ты же его сама привезла», — ехидно напомнило подсознание, и Оксана поморщилась. Ну да, привезла. Она терпеть не могла своего шефа, но не бросать же его в мороз пьяным на улице! Он даже без куртки был, в одном костюме. Как на корпоратив явился — так с него и ушёл. Все думали, что шеф уехал. А он, видимо, отдельно бухал, в «випке» или вообще в соседнем заведении. Непонятно только, зачем было нахрюкиваться до подобного состояния? Хотя это не её дело.

Оксана сходила на кухню, взяла стакан, наполнила его холодной водой из-под крана, вернулась в комнату и уже хотела с наслаждением плеснуть эту воду Алмазову в физиономию, когда он неожиданно открыл глаза. Посмотрел на неё с недоумением и просипел:

— Оксана Валерьевна, что вы здесь делаете?

Чёрт! Лишил её единственного за утро удовольствия. Те-

перь поздно выплёскивать воду.

— Стою, — съязвила она и поставила стакан на прикроватную тумбочку. — А вы, Михаил Борисович, лежите. И предваряя ваш следующий вопрос — это не ваша, а моя квартира. Вчера вы перебрали и не смогли назвать адрес таксисту, поэтому я привезла вас к себе.

К недоумению добавился ужас.

— Я что — вас?.. — Алмазов запнулся и тут же ответил себе сам, выпалив: — Не может быть, вы же непривлекательны! — Ужас и недоумение моментально исчезли, и шеф поморщился. — То есть...

— Я требую премию! — отрезала Оксана, внутренне сжимаясь от напряжения. — Я нанималась секретарём, а не нянькой и не обязана заботиться о вашем пьяном теле. Однако вы могли замёрзнуть насмерть. С пьяными, знаете ли, такое случается. Так что будьте добры премию! — Она развернулась и пошла на кухню, пылая от ярости. — А теперь вставайте, приводите себя в порядок и приходите завтракать.

Оксана от души хлопнула дверью и поморщилась, когда на пол полетела штукатурка.

Сволочь! В следующий раз надо будет оставить его на улице. Пусть замерзает! Не обязана она думать о благополучии Алмазова!

В конце концов, она ему не жена и не любовница!

Оксана

За пять дней до корпоратива

— Прости-ите, — протянула холёная блондинка, останавливаясь возле стойки секретаря и глядя на Оксану, как на дождевого червя, случайно попавшего под каблук её новых дизайнерских туфель, — а Михаил Борисович на месте?

— Нет, — ответила Оксана кратко и указала ладонью на бежевый кожаный диван. — Вы можете подождать его здесь.

Блондинка кивнула и величественной походкой направилась к дивану, изящно балансируя на высоченных каблуках. Оксана, прищурившись, смерила её взглядом и подумала, что сама наверняка не достанет этой каланче даже до подмышки. Но Алмазову именно такие девушки и нравились. Он и сам был высоченный и здоровенный, как шкаф. Оксана даже про себя называла шефа «человек-антресоль». Ей, с её ростом метр пятьдесят девять, всё время приходилось задирать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Первое время раздражало, но потом она привыкла и приспособилась, чаще глядя не в лицо, а на галстук. По этой причине Оксана за два года работы у Алмазова запомнила абсолютно все его галстуки и всегда подмечала, когда он покупал и надевал новый.

Вообще-то шеф был женат, причём, по слухам, с восемнадцати лет — то есть, уже около двадцати лет, больше половины жизни. За это Оксана и недолюбливала Алмазова: терпеть не могла изменников, сама была замужем за подобным ходоком. А шеф, в отличие от её бывшего благоверного, даже не скрывался — любовницы постоянно приходили к нему на работу, чтобы вместе пообедать, или являлись в конце рабочего дня, собираясь поехать в гостиницу, где Оксана частенько самолично бронировала номер. Эти мерзости она особенно не любила, но помалкивала. Платил Алмазов хорошо, даже отлично, а его личная жизнь — не её дело. Хотя его жену было неимоверно жаль.

Блондинка села на диван, приняла эффектную позу, и Оксана, кинув на девицу мимолётный взгляд, неуловимо хмыкнула: красотка явно ожидала, что ей предложат чай или кофе, но Оксана молчала. Год назад, после того как одна из любовниц Алмазова вынесла ей весь мозг, привередничая по поводу поданного чая, из-за чего Оксана не доделала важную работу, шеф разрешил не обслуживать, как он выразился, «его личных гостей».

— Вы имеете право им отказывать, если заняты, — сказал он тогда, удивив Оксану донельзя. Она-то думала, Алмазов будет на стороне любовницы. — Работа прежде всего.

Это был, пожалуй, единственный плюс шефа для Оксаны — работу свою он ценил и с личной жизнью не смешивал.

Эта самая «личная жизнь», устав многозначительно взды-

хоть, всё же решила обратиться к Оксане.

— Извините, женщина, вы не могли бы сделать мне кофе?
— И, не дожидаясь ответа, продолжила: — Капучино. С сахаром.

— Нет, я занята, — отрезала Оксана и почти с наслаждением заметила, как округлились глаза новой пассии Алмазова. А в том, что это была именно новая пассия, Оксана не сомневалась. Прошлую любовницу, брюнетку с необычным именем Лада, она уже успела запомнить. Продержалась там три месяца — это был стандартный срок для шефа, дольше трёх месяцев он никого не держал. С учётом того что Оксана работала у Алмазова два года, она пережила семерых его любовниц. Эта блондиночка была восьмой.

Гневно покраснев, пассия шефа открыла рот, явно намереваясь возмутиться, но не успела — входная дверь распахнулась, и в приёмную широкой и уверенной поступью вошёл Алмазов. Оксана сразу поняла, что совещание, на которое он уходил два часа назад, не задалось: подобным образом — как солдат на параде — шеф вышагивал только если злился. И лицо у него в таких случаях было словно каменное. В эти моменты Оксана Алмазовым даже любовалась: он казался ей похожим на скульптуру из музея. Правильные черты, грозное выражение лица...

Оксана тряхнула головой, приходя в себя. Не хватает ещё тарашиться на шефа, как одна из его многочисленных девок. Тьфу!

— Мишель! — воскликнула блондинка, вскакивая с дивана, и Оксана наклонилась над столом, скрывая усмешку. Она точно знала: Алмазов подобное сокращение его имени абсолютно не нравится. Сама много раз слышала, как шеф просил не называть его так.

Вот и сейчас, резко остановившись, будто столкнулся с бетонной стеной, шеф развернулся к своей пассии и, смерив её удивлённым взглядом, процедил без всякого пиетета:

— Ты что здесь делаешь? Я же сказал вчера, что сегодня буду занят!

— Решила сделать сюрприз, — блондинка захлопала глазами, изобразив ослепительную улыбку. — Кстати, ты знаешь, что у тебя очень невежливая секретарша?

— Секретарь, — отрезал Алмазов, — правильно говорить «секретарь». А «секретарша» — это грёбанный феминитив. И да, я знаю, что она невежливая, но меня всё устраивает. А теперь, будь добра, сгинь, пока мы не поссорились.

Блондинка надула накаченные губы и с обидой протянула:

— Но Мише-е-ель...

— Сгинь, — повторил шеф, махнув на неё рукой, словно муху отгонял, а потом повернулся к Оксане: — Сделайте мне кофе, пожалуйста.

Алмазов быстро скрылся в кабинете, даже не оглянувшись на свою пассию, которая стояла с таким видом, будто он в неё плюнул.

— Гад, — прошипела в конце концов блондинка. — Ну, я

тебе это ещё припомню! — Схватила с журнального столика стеклянную вазу, полную маленьких карамелек, и швырнула в стену. Конфеты рассыпались по полу веером, а ваза, отпрыгнув от стены как мячик, мягко приземлилась на ковёр, целая и невредимая.

Блондинка обалдела, даже рот открыла, став похожей на удивлённую утку, а Оксана, фыркнув, развела руками:

— Извини, не ты первая, не ты последняя. У нас в офисе давно всё небыующееся. В общем, если надумаешь что-то разбивать, в следующий раз тащи это с собой.

Девушка, окончательно рассвирепев, прошипела что-то невнятное и всё-таки выбежала из приёмной, оставив после себя шлейф навязчивого сладкого запаха элитных духов.

Михаил

В последнее время проблемы падали на голову одна за другой, накручивались, как нитки на клубок, оплетали, как паутина попавшую в неё жертву. Не продохнуть. И дома чёрт-те что, и с поставками материалов не всё гладко, а уж эта его инициатива с магазинами...

Михаил вздохнул и поморщился. Хотелось выпить не кофе, а рюмку коньяка, но на работе он подобного никогда себе не позволял.

Пару месяцев назад Михаилу пришла в голову идея: а почему бы не организовать собственные магазины? Компания уже почти тринадцать лет занималась изготовлением и продажей мебели, но своей торговой сети у Михаила не было, всё шло оптовикам и расходилось по разным магазинам. Сначала Алмазов считал, что его фирма слишком мелкая, потом просто не хотелось этим заниматься, но теперь он вдруг загорелся. Точнее, его зажёг коммерческий директор, показав любопытные цифры с возможной прибылью.

— Мы сейчас теряем кучу бабла, Михаил Борисович, потому что владельцы магазинов, торгующих нашей мебелью, ставят огромную наценку и продают втридорога. Можно продавать по тем же ценам или чуть дешевле. И конку-

рентам не сильно помешаем, и сами хорошо заработаем.

Алмазову это понравилось. Особенно конкретная сумма. Если всё получится, можно будет расширить производство и заняться наконец ещё и мягкой мебелью, а не только корпусной.

Но, как это обычно всегда и бывает, идея звучала отлично, а вот её реализация началась с проблем. Помещения под магазины нашли, но пока суд да дело другая фирма оформила аренду. Нужно было сделать нормальный сайт, придумать логотип и запустить хоть какую-то рекламу — но и сайт выходил каким-то кривым, и логотип Михаилу не нравился, а уж про рекламу и вовсе рано было думать. В общем, он ещё толком и не начал, а уже хотелось всё бросить и забить большой болт.

— А что ты хотел, Миш, — разводил руками его главный менеджер по продажам, — одно дело — оптовики и совсем другое — розница. Это как небо и земля. Ты до этого вроде как в облаках витал, с птицами пел, а сейчас резко мордасом об асфальт. Почему, ты думаешь, все наши клиенты закладывают в свои цены такую прибыль? Вот поэтому. Нервное это дело, Миш.

Михаил схватил лежащую на столе ручку и принялся вертеть её в руках. Дурная привычка, с детства прилипла, никак не мог отделаться. При секретаре только стеснялся так делать, сразу в сторону откладывал, но пока она не вошла...

А, нет, идёт. Как всегда, лицо серьёзное, суровое даже. И

поднос в руках держит, а на нём — одинокая чашка кофе на блюде, ложечка и капсула порционных сливок.

Михаил немедленно выпрямился и положил ручку обратно на стол, глядя на то, как Оксана бодро шагает по кабинету. Его отчего-то всегда завораживала её забавная семенящая походка маленькой отличницы. Даже хотелось как-нибудь пошутить, но Алмазов сдерживался, опасаясь, что Оксана его неправильно поймёт или ей не понравится. С Михаилом Оксана всегда была подчёркнуто холодна, и неизвестно, как она отреагирует на шутку. Вдруг решит, что он заигрывает? Хотя Михаилу было странно даже подумать о возможности заигрывать с собственным секретарём, и дело было не только в том, что он не заводил интрижек на работе. Но и в самой Оксане.

Для Михаила она была непривлекательна. Собственно, именно поэтому он и взял Оксану на работу — чтобы не отвлекала своей внешностью от насущных дел. До неё у Михаила работала пожилая женщина, отличный специалист и человек, но она ушла на пенсию, и он искал ей замену не только в плане профессионализма, но и в плане внешности — привык, что за секретарской стойкой находится не привлекающая его женщина.

Михаил любил яркость, любил, чтобы женщина блистала. Высокий рост, яркий макияж, идеальные черты лица, большая грудь, задница тоже должна быть налитая — таких девушек он выбирал. Оксана же была полной противоположно-

стью всему перечисленному. Маленькая, даже какая-то крошечная, до безобразия костлявая, с плоской попой и нулевым размером бюста — несуразица, а не женщина. Несуразности добавляли и волосы — тёмные, кудрявые и пышные, как у негритянки. У другой девушки подобная шевелюра смотрелась бы шикарно, но Оксана выглядела с этими волосами так, словно надела на голову птичье гнездо. Михаил так и называл её про себя — Птичка. Да и фамилия была подходящая — Воронина. И нос небольшой и остренький, действительно как клювик.

— Ваш кофе, Михаил Борисович, — спокойно и невозмутимо сказала Оксана, поставив перед ним чашку. Выпрямилась и поинтересовалась: — Что-нибудь ещё?

Алмазов скользнул взглядом по её плоской груди, скрытой простой белой блузкой, поднялся выше, задержавшись на губах — в противовес бюсту излишне пухлых, крупных, и остановился, добравшись до глаз.

Оксана, когда сидела за компьютером, носила большие очки в чёрной оправе, и они делали её ещё нелепее, чем обычно. Но сейчас их не было, и Алмазов невольно залюбовался. Единственным, что казалось ему красивым в Оксане, были её глаза. Ярко-голубые... Просто уникальный цвет: как лазурное тёплое море.

— Вы носите цветные линзы? — вырвалось вдруг у Михаила, и он едва не стукнул себя по лбу. Совсем мозгами потёк после этого дурацкого совещания! Что он спрашивает, и

главное — у кого?!

— Простите? — Оксана удивлённо подняла брови. Не нарисованные и не нарощенные, свои — две изящные линии, в меру широкие и очень выразительные. Именно по бровям Алмазов частенько мог понять её настроение. Вот и сейчас, судя по их взлёту, секретарь была поражена до глубины души.

И вместо того, чтобы ответить: «Ничего, извините, вы можете идти», Михаил продолжил свою гениальную мысль:

— У вас очень необычный цвет глаз, Оксана Валерьевна. Вы носите цветные линзы?

Брови чуть сдвинулись — значит, она рассердилась.

— Нет, Михаил Борисович, не ношу. Я могу идти?

— Да, — он кивнул и, когда Оксана уже развернулась к выходу, добавил: — Позвоните на охрану, попросите больше не пускать сюда Абрамову Валерию Николаевну.

— С радостью, — тут же откликнулась секретарь с лёгкой язвительностью, и Алмазов усмехнулся. Он прекрасно знал, что Оксана терпеть не может его любовниц, но с ревностью или влюблённостью это было не связано. Видимо, что-то личное, она же в разводе. Или пресловутая женская солидарность.

Вот интересно, что сказала бы Птичка, если бы познакомилась с его женой?

Оксана

После работы Оксана зарулила в зоомагазин — купить корм для Ёлки. Ёлкой она называла изящную чёрную кошку с зелёными глазами, которую нашла на улице как раз под этим самым деревом, и перед своим первым Новым годом без мужа. Кошку кто-то избил — может, за цвет шерсти, а может, просто так, — и Оксана не смогла пройти мимо, как шли другие люди, торопясь попасть домой с охапкой подарков и мандаринами. Дома её никто не ждал, большую премию, которую выплатили на работе, было почти не на что тратить, и Оксана решила на эти деньги спасти искалеченное животное. Ёлка так и осталась в итоге слегка инвалидной — из-за черепно-мозговой травмы она забавно тряслась, как игрушечные котята на приборной панели автомобиля, особенно когда волновалась. Но Оксана её просто обожала, полюбила настолько, что в итоге решила не пристраивать, хотя первоначально хотела вылечить и найти хозяина. Но в результате не смогла расстаться с ласковым и преданным животным, которое, признав в Оксане спасительницу, искренне ластилось к ней. Ёлка обожала сидеть на коленях, везде ходила хвостиком и даже спала под хозяйкиным одеялом, прижавшись к боку.

Теперь Оксана думала, что Ёлка спасла её от депрессии или ещё чего-нибудь похуже. В тот момент, три года назад, когда любимый муж ушёл не просто к другой женщине, а к лучшей подруге, Оксане не хотелось жить. Она тогда всё чаще задумывалась о том, чтобы и не жить вовсе, но потом нашла Ёлку — и эти мысли исчезли, как будто их кто-то ластиком стёр. Некогда оказалось думать, нужно было спасать животное. И как-то постепенно... выплыла. И Ёлку спасла, и себя.

Оксана, закупившись кормом, бодро шла домой, надвинув шапку поглубже на лоб — ветер дул нещадный. Обещали метель, но снега пока не было, только ветер, и это было хуже. Когда снег, как-то легче терпеть подобное, а сейчас было ощущение, что кто-то кусает за лицо.

За свистом ветра в ушах Оксана не сразу разобрала, что её кто-то зовёт. Расслышала, только когда этот кто-то схватил её за плечо и гаркнул почти в самое ухо:

— Ксю! Да стой ты!

Оксана остолбенела, едва не уронив пакет с покупками. Захлопала глазами, с недоумением уставившись на бывшего мужа, которого не видела почти три года.

Только он звал её «Ксю». Он и Ленка, лучшая подруга ещё со времён школы. К ней в итоге и свалил, когда Ленка беременела.

— Коля? — Оксана хмыкнула, справившись с удивлением. Жаль, что она не купила ничего тяжёлого, сейчас при-

годилося бы — треснуть бывшего мужа по башке так, чтобы искры из глаз посыпались! — Чего припёрся-то? Ленусик выгнала?

Оксана сказала это не для того, чтобы задеть, — просто выглядел Коля не очень. Он всегда был крепким парнем, даже с учётом небольшого животика вместо кубиков пресса, и выглядел мощным несмотря на низкий рост — метр семьдесят. Сейчас же Коля был похож на пиявку — такой же худой и мелкий, ещё и в чёрной куртке в облипку. И чего вцепился в её плечо своими клешнями?

— Слушай, поговорить надо, — пробурчал бывший муж, рассматривая Оксану с какой-то жадностью — как голодный разглядывал бы суп на жирном мясном бульоне. — Пойдём домой? Холодно на улице.

— Дом у тебя в другом месте, Коля, — качнула головой Оксана, фыркнув. — Поэтому отпусти-ка меня, дай пройти и проваливай. Не о чем нам с тобой разговаривать, мы развелись давно.

— Вот об этом я и хочу поговорить, — возразил бывший муж, и не думая отпускать её плечо. Сверкнул тёмно-кари-ми глазами, которые раньше казались Оксане красивыми, и упрямо сжал тонкие губы. — Я считаю, что мы совершили ошибку!

После этого пафосного утверждения Оксанины брови произвольно полезли на лоб.

Пару секунд она смотрела на воинственно настроенного

Колю, думая о том, каким матерным словом его лучше послать, и в итоге, определившись, вывалила нечто цветастое, подслушанное однажды у строителя, которому на ногу упала чугунная труба.

Коля побагровел — он, как и Оксана, по образованию был художником-дизайнером и его тонкая натура не переносила подобные конструкции, — но, вопреки логике и здравому смыслу, не бросился прочь, а процедил:

— Слушай, давай просто поговорим, а? В конце концов, я тебя тут полдня жду уже, замёрз весь. Дай хоть зайду, в туалет схожу, чаю попью.

— Слушай, вали на... — Оксана дёрнулась и высвободила плечо. — То есть к Ленке своей вали, а от меня отвали. Бред какой-то несёшь, сам себя слышишь? Ошибку мы совершили, а-фи-геть! Это ты от меня гулял все пять лет брака, а потом обрюхатил Ленку и свалил. Какое «мы»? При чём тут я?!

— В изменах всегда виноваты оба супруга! — наставительно произнёс Коля, и Оксана, не выдержав, зарядила ему кулаком в нос. Удар получился мягким из-за надетых варежек, но и его хватило, чтобы бывший муж, зашипев, отпрыгнул в сторону и дал ей наконец пройти к подъезду.

Оба виноваты, ага-ага, конечно. В этом все мужики — обожают валить с больной головы на здоровую!

Дома, потискав и покормив Ёлку, Оксана успокоилась. Особенно когда поняла, что бывший муж всё же предпочёл убраться прочь и не подниматься за ней, чтобы трезвонить в квартиру. Но Коля неплохо знал её характер и наверняка понимал, что Оксана церемониться не станет и просто вызовет полицию, а потом ещё и заявление напишет о преследовании.

Быстро поужинав любимым куриным супом-лапшой, Оксана налила себе полбокала вина — сегодня можно, ибо стресс! — и села на диван с электронной книгой. Ёлка тут же заняла привычное место, свернувшись калачиком на хозяйкиных коленках, и Оксана, поглаживая кошку между ушей и попивая сухое красное вино, задумалась, вспоминая свой неудачный брак.

Они с Колей вместе учились в институте, начали встречаться на последнем курсе. Он всегда был ловеласом, с девушками флиртовал только так, но Оксану это не напрягало — то, что было до неё, её не касалось, а при ней Коля вёл себя безупречно. И даже захотел остепениться... Во всяком случае, предложение сделал красиво — в ресторане, бросив кольцо в бокал с шампанским. Оксана согласилась: любила его. Хотя по характеру они с Колей во многом были противоположностями: он взрывной, она спокойная, он беспечный,

она серьёзная, и так далее. Но Оксану это не напрягало, даже наоборот — казалось, что они дополняют друг друга. Наверное, так и было бы, если бы Коля не обманывал её с самого начала.

О том, что муж изменял ей все пять лет брака, Оксана узнала уже перед разводом, от Ленки, своей лучшей подружки, к которой он и ушёл.

— Как ты могла? — спросила тогда Оксана, не понимая вообще ничего. Люди так устроены: рассчитывают, что к ним будут относиться так же, как они относятся к другим. Весьма распространённая ошибка. И то, что ты сам не способен изменять и уводить из семьи кого бы то ни было, не значит, что кто-то ещё — в том числе и лучшая подруга — однажды не поступит так с тобой.

— Ой, да ладно! — фыркнула Ленка с язвительной насмешкой. — Не я первая! Думаешь, Колька верным мужем тебе был? Да он гулял напраполю от тебя все эти годы, а ты и не замечала ничего, святая наивность! У него девок было целое стадо. Он сам мне рассказывал. Не веришь — спроси!

Оксана спросила и получила подтверждение.

— Ну не моногамен я, Ксю, извини, — разводил руками почти бывший муж. — Не могу иначе. Ленку это устраивает, поэтому я и решил к ней уйти. Тем более она беременная. А ты ещё найдёшь своё счастье, вот увидишь!

И после этого он ещё смеет приходить и заявлять о какой-то «ошибке». И говорить, что она тоже виновата в его

изменах! Это каким образом? Если у него психология такая, что всё время надо трахать баб с разной внешностью, при чём тут Оксана?!

А с Ленкой они, видимо, всё же разосрались, что неудивительно. Подруга сама была гулёной, под стать Коле, Оксана вообще не представляла её замужней дамой с ребёнком. Кроме того, в быту Ленка была... ну, приблизительно как Оксана была бы на модельном подиуме — не пришей кобыле хвост, с её-то ростом. Ни готовить бывшая подружка не умела, ни создавать уют в целом. Она умела только веселиться, но веселиться вечно невозможно, когда-то нужно и работать.

Ладно, чёрт с ними обоими! Хотя Коля наверняка будет пытаться «поговорить» ещё как минимум пару раз, и к этому Оксане нужно быть готовой.

Михаил

Идти домой не хотелось совершенно, в последнее время там стало совсем невыносимо. Но он сам дал Лере от ворот поворот, рассердившись на её неурочное появление в его офисе, хотя накануне предупреждал, что будет занят. Таких финтов Михаил не любил — очень хорошо понимал, к чему они в итоге приводят, поэтому предпочитал расставаться сразу, «не дожидаясь перитонитов».

А может, поехать в гостиницу и остаться там на ночь? Нет, тоже не выход. У Маши в последнее время и так появилось слишком много вопросов к ним с женой, ни к чему усугублять. Значит, домой.

На машине до квартиры, где Михаил жил со своей семьёй уже почти десять лет, было не дольше получаса, но он немного растянул это время, заехав в магазин и на заправку. Побросал в пакет какие-то мелочи и вернулся в машину.

Возле подъезда ещё немного постоял, точнее, посидел в автомобиле, глядя на разыгравшуюся метель и думая о том, когда и в какой период жизни совершил фатальную ошибку. Когда женился на Тане? Или когда простил её в первый раз? Или во второй? И что бы было, если бы он всё-таки принял решение разводиться? Может, так было бы лучше? Нет, вряд

ли. Ему — возможно, но детям — точно нет.

Михаил, захватив пакет с покупками, поднялся на десятый этаж и позвонил в дверь своей квартиры.

— Папка, папочка! — раздался истошный визг, когда дверь распахнулась, и на его шее сразу повисла Маша — младшая дочь. Он ласково обнял её, поцеловал в щёку и отстранился, вздыхая — в последние несколько месяцев его любимая девочка стремительно набирала вес, и он прекрасно понимал почему, но что с этим делать, не представлял. — Как хорошо, что ты вернулся, а мама как раз ужин готовит!

Ужин от Тани Михаилу был и даром не нужен, но он старался не огорчать Машу. Они с женой и так уже испортили ей всё, что только могли испортить.

— Это замечательно, я голодный, — сказал Михаил, погладив дочку по голове. Через два месяца ей исполнялось двенадцать, и она постепенно превращалась в подростка. К сожалению, не угловатого, а очень пухленького, расплывшегося, как тесто на дрожжах. — А Юра где?

— Ой, где-то. — Маша поморщилась и махнула рукой в непонятную сторону. — Ещё не вернулся после занятий.

За сына можно было не волноваться — Юра, несмотря на свои семнадцать, рос парнем редкого благоразумия, явно не в маму пошёл. Но Михаил на всякий случай всё равно написал сыну в мессенджер, поинтересовался, где он и что делает, — раз уж жена не соизволила, судя по словам Маши. И пока Михаил мыл руки и переодевался, пришёл ответ.

«У Генки день рождения, мы в кафе забурились. Всё ок, приду через пару часов».

Михаил кивнул и не стал писать никаких наставлений, сыну он доверял и знал, что пить и курить недозволенное Юра не будет. Таня бы непременно выдала целый список требований — ещё и по этой причине у сына последние пару лет были с ней напряжённые отношения. Тормозить на поворотах жена не умела никогда.

Переодевшись в домашнее, Михаил вышел из своей спальни и направился в сторону кухни, откуда пахло жареной курицей и чем-то ещё. Правда, запах не вызывал аппетита — скорее всего, это было что-то психологическое, ведь Михаил знал, что готовила жена. Почти двадцать лет не готовила, а последний год вот начала. Михаил прекрасно понимал зачем, но это казалось настолько нелепым, что он никак не мог поверить в подобное.

На просторной, светлой и уютной кухне, украшенной новогодними игрушками и мишурой, сидели жена и дочь. Маша наворачивала из глубокой тарелки жареную картошку, которую ей было категорически нельзя, а Таня с умилением на это смотрела. Перед ней тоже стояла тарелка, но не с картошкой, а с каким-то салатом.

— Миша, — жена заискивающе улыбнулась, когда он вошёл на кухню и тяжело вздохнул, нахмурившись при виде ужина дочери, — привет! Как ты вовремя! Садись, я сейчас наложу тебе покушать.

— Поесть, — поправил её Михаил, усаживаясь рядом с Машей. — Правильно говорить «поесть».

— Ой, не нуди, — отмахнулась Таня, отпорхнув к плите. Он проводил взглядом её ладную и точёную фигуру — несмотря на свои почти сорок, выглядела жена шикарно. Особенно грудь, но с ней-то как раз было понятно: пластические хирурги и из ушей спаниеля способны сделать две пирамидки. Однако не всё во внешности Тани было торжеством современной медицины, далеко не всё. Стройность, плоский живот, округлая задница, длинные идеальные ноги — всё это было результатом трудов самой жены Михаила. Ухаживать за собой она обожала, это была её единственная работа все годы их совместной жизни. И он бы не возражал, если бы...

Таня, пригладив короткие аккуратно уложенные светлые волосы ладонью, подхватила две тарелки и поставила их перед Михаилом. Принесла приборы, налила в бокал что-то ярко-алое и радостно возвестила, изображая из себя счастливую супругницу:

— Вот! Жареная картошка, курица с грибным соусом, салат с красной фасолью и морс. Приятного аппетита, Мишенька.

Выглядело всё прекрасно, да Михаил и признавал, что жена, несмотря на то что начала готовить всего год назад, успела стать хорошей хозяйкой. Она и кухарку уволила, стала сама кашеварить, и постоянно ставила ему под нос то одно, то

другое. Даже торты пекла.

Это была наглядная демонстрация поговорки «пусть к сердцу мужчины лежит через его желудок», но Михаил бы предпочёл, чтобы ничего подобного Таня не предпринимала. На месте сердца у него давно была дыра, воронка, как после ядерного взрыва, и любые попытки жены наладить несуществующие отношения вызывали у Михаила изжогу. Хотя он исправно ел всё, что она готовила, особенно если кормили его в присутствии Маши.

Год назад Таня, предъявляя ему очередные претензии, умудрилась проорать на весь дом: «Ты так себя ведёшь, потому что Маша — не твоя дочь!», и дети — и Юра, и Маша, — конечно, слышали. Сын с тех пор избегал контактов с матерью, разговаривая только по мере необходимости, а Маша... С ней было сложнее всего.

— Ешь, папочка, — дочь ласково погладила Михаила по плечу, и он покорно начал есть, почти не ощущая вкуса.

Раньше Михаил, несмотря на все трудности и неприятности, ни разу не ощущал себя по уши в дерьме, но последний год это чувство преследовало его с завидной постоянством...

Около десяти часов вечера Маша начала зевать, и Михаил отправил её в ванную — умыться и ложиться спать. Сам он всё пытался доесть десерт — какой-то ягодный пудинг — и, воспользовавшись предложением «проводить дочь до детской», сбежал с кухни, пока Таня смотрела телевизор — там показывали очередной сериал про любовь Золушки и Принца, то есть олигарха и простой девушки.

Михаил дошёл до комнаты дочери — квартира у них была двухэтажная, и все спальни, кроме его собственной, были на втором этаже — и серьёзно произнёс, когда они с Машей остановились возле двери и дочка на мгновение закрыла рот, перестав щебетать про свои школьные дела:

— Машунь, поговорить нужно.

Она тут же нахмурилась и напряглась, наклонила голову, глядя на Михаила, словно побитая собачка, и у него сразу сжалось сердце. Бедный, бедный его ребёнок...

— Ты же помнишь, что тебе сказал эндокринолог? И какую она диету прописала? Жареная картошка в неё не вписывается, Машунь, — продолжил Михаил, стараясь, чтобы голос не звучал слишком уж строго. — Пожалуйста, постарайся больше так не делать. Не ешь то, что нельзя.

— Но её же мама жарила... — протянула дочь, шмыгнув носом. — Как так — она жарила, а я есть не буду?

— Мама сама ведь её не ела, разве ты не заметила?

— У мамы фигура, — возразила Маша и вдруг добавила такое, отчего Михаил в буквальном смысле остолбенел: — Ей надо тебя обольщать, а мне фигура зачем?

Несколько мгновений он стоял, пытаясь осознать услышанное, а после, погасив вспыхнувшее раздражение, как можно спокойнее сказал:

— Фигура нужна всем, Маш. И маме, и Юре, и мне, и тебе. Поэтому давай без картошки, хорошо? И не только. Постарайся вообще не есть то, о чём говорила Галина Ивановна на приёме. Иначе потом будет хуже, ты же знаешь.

Маша тяжело вздохнула, но кивнула. Правда, Михаил понимал, что она вряд ли послушается, и вовсе не потому что упрямая или не хочет похудеть — едой ребёнок снимал постоянный стресс. Кроме того, еда заменяла Маше любовь, которую она недополучала от родителей. Нет, по отдельности и Михаил, и Таня любили её, но любить вместе не получалось. И у Маши, несмотря на то что она вроде бы жила в полной семье — по крайней мере по документам, — на деле её не было.

Из-за этого девочка и ела всё подряд. Периодически, получив очередное увещевание от Михаила, останавливалась, но потом опять...

— Ладно, пап, — сказала Маша грустно и смиренно. — Я пойду спать, да?

— Иди, — он поцеловал дочку в щёку, подождал, пока она

скроется в своей комнате, и быстро пошёл обратно на кухню.

Таня по-прежнему сидела за столом и смотрела телевизор. Перед ней на пустом столе — все тарелки уже мылись в посудомойке — стояла только чашка кофе. Таня всегда пила кофе не с утра, а на ночь. Некрепкий кофе со сливками и ореховым сиропом вместо сахара. У Михаила запах орехового сиропа давно и накрепко ассоциировался с женой, и поэтому он его терпеть не мог.

— Тань, объясни мне, — сказал Михаил негромко, садясь напротив супруги. Она оторвалась от созерцания сериала и посмотрела на мужа с недоумением. — Какого х** я слышу из уст дочери фразу: «Маме надо тебя обольщать, а мне фигура зачем?»

Лицо Тани испуганно вытянулось, и она выдохнула:

— Ой, Мишенька...

— Да не называй ты меня так, — отрезал Михаил так же тихо, опасаясь, что Маша может подслушивать — подобное уже бывало. — И прошу тебя, разговаривай со своими подругами не по громкой связи. Ну не первый раз уже эта хрень! Я ещё не успел отойти от её вопроса, что такое «куни», а тут это.

— Да ладно тебе, Миш, — Таня досадливо поморщилась, но, как обычно и бывало, вину свою признавать не спешила. Эту черту Михаил в ней особенно не любил. Практически никогда и ни при каких обстоятельствах Таня не винулась, и уж тем более не просила прощения. За всю совмест-

ную жизнь он слышал от неё слово «извини» только два раза, но при таких обстоятельствах, когда одного «извини» уже недостаточно. — Подумаешь, сморозила Машуня глупость. Да она это всё завтра забудет.

— Ты в этом уверена? Я вот нет.

— Забудет-забудет, — махнула рукой жена. — Не бери в голову.

Скрипнув зубами, Михаил процедил:

— И ещё. Отдельно прошу — не готовь ты ничего, что Маше нельзя. Сколько можно? Её за год разнесло, как на дрожжах. А ты картошку жареную, на прошлой неделе пончики...

— Маше хотелось попробовать приготовить донаты. Ладно тебе, зачем так строго? Я решила баловать её раз в неделю, не чаще.

— Тань, — он вздохнул, пытаясь в очередной раз унять раздражение, — баловать можно, когда есть какой-то результат. А у Маши никакого результата, она толстеет с каждым днём. Ты её когда к психологу поведёшь?

— Она не хочет к психологу, — вновь поморщилась супруга, — и я не хочу, чтобы какая-то незнакомая тётка задавала ей личные вопросы. Это травмирует, а Маша и так переживает. Знаешь, что лучше сделать? Возьми отпуск, и давай поедem отдыхать все вместе. Тем более что у детей скоро каникулы. И вообще, — Таня нагнулась, попыталась взять мужа за руку, но он убрал ладонь со стола, — перестань морозиться. Надо налаживать отношения, у нас же дети, в кон-

це концов! Почему ты меня отталкиваешь?

Таня начала повышать голос, и Михаил, цыкнув на неё, встал.

— Налаживать можно то, что существует, а наши отношения давно канули в лету, — сказал он устало и, не дожидаясь ответа, вышел из кухни. Услышал негромкий хлопок входной двери, прошёл дальше по коридору и кивнул, увидев сына. Юра как раз снимал заснеженную шапку, и его длинноватые светлые волосы ореолом рассыпались вокруг головы, скрывая чуть острые уши. Маша за них даже дразнила брата эльфом.

— Привет, пап, — улыбнулся сын, стягивая сапоги. — А мама где, на кухне?

— Да.

— А, — Юра кивнул и, отвернувшись к шкафу, чтобы повесить куртку, еле слышно пробормотал: — Тогда я туда не пойду...

Михаил вздохнул, но промолчал. Если на Машу он ещё как-то мог повлиять, то объяснять почти взрослому Юре, что нельзя постоянно избегать общения с матерью, было бесполезно. Сын был весь в него — упёртый как баран.

И что делать с детьми в этой ситуации, было абсолютно не понятно.

Оксана

Мысли о поведении бывшего мужа быстро покинули её голову, и уже на следующее утро, придя на работу, Оксана и думать забыла о Коле. Ещё и поэтому Алмазов устраивал её в качестве начальника: с ним было невозможно филонить и рассуждать о чём-то постороннем, спуску шеф не давал и постоянно требовал то одно, то другое. Через Оксану проходило огромное количество документов, которые нужно было не только относить Михаилу Борисовичу на подпись, но и разбираться в них, регистрировать, кое-что копировать и ни в коем случае не терять. Оксана вела расписание шефа — планировала встречи и совещания, переносила их в случае непредвиденных обстоятельств, — отвечала на звонки партнёров, при этом держа в голове, что и кому следует или не следует говорить. Иногда Алмазов брал её с собой на важные встречи, особенно если встречался с немцами — сам он отлично знал только английский, а вот Оксана лучше говорила по-немецки. Училась когда-то в немецкой школе, потом и в институте язык подтягивала. И не зря, как оказалось. После развода Оксана больше не могла работать дизайнером или даже просто рисовать — как отрезало, — зато переводчик-синхронист из неё получился неплохой, а потом и секре-

тарём получилось устроиться. Правда, со своего первого рабочего места в этом качестве Оксана сбежала, сверкая пятками, но со вторым удачно получилось. Алмазов хоть и был кобелём, но по отношению к ней вёл себя корректно и уважительно, называл по имени-отчеству и никогда не орал, как предыдущий шеф. Поэтому в рабочем плане Оксана относилась к Михаилу Борисовичу хорошо, но вот его человеческие качества прочно поселили в её душе брезгливость. Типичный изменник, предатель и кобель.

Нынешним утром шеф пребывал в особенно мрачном настроении, и Оксана приготовилась ловить его придирки по любому поводу. Да, голос Алмазов никогда не повышал, но опустить умел и без этого.

Оксана сварила привычный крепкий кофе, добавила сахар, положила на поднос капсулу порционных сливок, ложку и отправилась к шефу в кабинет. Алмазов, похожий на предгрозовую тучу в своём тёмно-синем костюме с серым галстуком, сидел за столом и, хмурясь, рассматривал какие-то бумажки. Оксана не приглядывалась, просто снимала с подноса всё, что принесла, и раскладывала перед шефом, когда он вдруг произнёс:

— Оксана Валерьевна, а посмотрите-ка это вы, — и придвинул к ней свои бумажки, да так стремительно, что задел ими блюдце, чашка с кофе покачнулась, и напиток частично вылился на стол и эти самые бумажки. — Ох, извините, — поморщился Алмазов, вместо того чтобы рассердиться, — я

совсем забыл про кофе.

Шеф отставил чашку в сторону и прежде, чем Оксана успела что-то сообразить, достал из верхнего ящика упаковку влажных салфеток. Сам вытер стол, промокнул бумаги, а затем вновь придвинул их Оксане:

— Посмотрите.

Она удивлённо взяла в руки предлагаемое и подняла брови, поняв, что это...

— Логотипы?..

— Эскизы логотипов, — кивнул Алмазов. — Я не знаю, что с этим делать. Я как-то совсем не художник и не разбираюсь в подобном. Мне ничего не нравится, но я не знаю, как объяснить этим дуракам, которые разрабатывают лого для магазинов и сайта, что именно мне не нравится. Пару раз они перерисовали — когда я просто говорил: «Это не то», но в третий раз попросили конкретики.

— Но... простите, при чём тут я? — не поняла Оксана и едва не выронила распечатки с эскизами, когда шеф спокойно ответил:

— Так вы же дизайнер, много лет занимались разработкой логотипов, баннеров и прочей рекламной ху... простите. — Алмазов помотал головой и потёр пальцами виски. — Плохо спал сегодня, поэтому матерные слова уже прорываются.

Оксана не выдержала и улыбнулась. Да, она знала, что ругается шеф редко, но, как многие подобные люди, метко и с чувством.

Но удивило Оксану совсем не матерное слово, а тот факт, что Алмазов помнил, кем она работала раньше. За два года они это ни разу не обсуждали, с чего ему помнить? Однако же...

— Вам нужно сначала придумать название, Михаил Борисович, — сказала Оксана, положив влажные распечатки обратно на стол. — А потом уже, отталкиваясь от него, разрабатывать лого. Сейчас получается, что вы, как царь из сказки, заставляете исполнителей идти туда, не знаю куда, и принести то, не знаю что.

— Наверное, вы правы, — вздохнул Алмазов. — Но как его придумать? Я уже всю голову сломал, но не придумывается.

— Зачем же вы ломаете только свою голову? — Оксана вновь улыбнулась и поправила очки, сползшие чуть ниже, чем было удобно. Забыла их снять, когда шла к шефу в кабинет, теперь мучилась. — Устройте мозговой штурм среди сотрудников компании. А автору самой оригинальной идеи пообещайте выплатить премию. Гарантирую, столько вариантов получите, что обязательно найдёте среди них нужный.

Алмазов резко посветлел лицом и тоже улыбнулся, сразу став настолько обаятельным, что у Оксаны даже что-то колыхнулось в груди.

— А ведь вы правы, Оксана Валерьевна. Действительно, так и нужно сделать. Подготовите рассылку с заданием для сотрудников?

— Да, разумеется. Размер премии писать?

— Думаю, пятьдесят процентов от оклада будет справедливо.

— Ого-о-о, — протянула Оксана многозначительно, и улыбка шефа стала лукавой. — Слушайте, ну я тогда тоже попробую поучаствовать. Кстати, вам новый кофе сделать?

— Не нужно, — начальник мотнул головой. — Этот допью.

«Молодец», — подумала Оксана почти с умилением. Всё же шеф, когда надо, умел быть ласковым и неприхотливым котиком.

Михаил

Секретарь быстро засеменила к выходу из кабинета, и Михаил проводил её взглядом, невольно удивляясь тому, что со спины Птичка выглядит совсем ребёнком, моложе его дочери. А ведь ей почти тридцать... Кстати, когда у Оксаны день рождения?

Михаил нашёл в одной из папок на своём компьютере резюме секретаря, открыл и посмотрел дату — 15 февраля. Но он ошибся — ей исполнится двадцать девять. Почти на десять лет он её старше.

Алмазов нахмурился и закрыл резюме. Непонятно, почему он вообще об этом думает? Какая разница, сколько Оксана лет? Она типичная девица без возраста, наверняка никогда не выйдет замуж. Совсем непривлекательная замухрышка. Глаза только красивые. Ну и волосы тоже иногда хочется потрогать — интересно, какая эта грива на ощупь. Во время секса Михаил любил брать своих партнёрш за волосы — не больно, но ощутимо, — и если представить на этом месте Оксану...

Организм отреагировал настолько резкой вспышкой возбуждения, что Алмазов даже испугался. Схватил чашку с кофе и выпил залпом, поморщившись — тьфу ты, а сливки-то,

сливки!.. Чёрный кофе Михаил терпеть не мог, вообще не любил всё горькое.

Это всё стресс виноват. И атмосфера дома в последнее время. Раз он уже представляет Оксану своей партнёршей по сексу. Да ни за что в жизни! Из неё любовница — как из козы верблюд.

Михаил неожиданно вспомнил, как увидел Оксану в первый раз на собеседовании два с лишним года назад. Поначалу она показалась ему настолько несуразной и нелепой, что он едва не произнёс: «Нет, вы мне не подходите» прямо с порога. Но потом решил, что это будет невежливо — пусть немного, но надо пообщаться с кандидаткой. И через пятнадцать минут Михаил обнаружил, что уже не замечает её несуразности. Видимо, потому что её не замечала сама Оксана. Она воспринимала собственную внешность как должное и не особенно комплексовала. Да, мелкая, тощая, на голове шапка из волос, и ничего с ними не сделать — только если сбрить, но тогда будет ещё хуже. Да, нос маленький, а губы крупные. Ну и что? Это не мешало Оксане уверенно говорить и быть большой умницей. Два языка, высшее художественное образование, хорошее знание офисных программ и делопроизводства — несмотря на то что опыт работы секретарём у Оксаны был небольшой, — всё это понравилось Михаилу, и он решил дать ей шанс. И не успел опомниться, как Птичка прочно поселилась в его приёмной. Никого другого Алмазов на этом месте уже не мог и не хотел пред-

ставлять, потому что при одном только взгляде на Оксану у Михаила отчего-то почти всегда повышалось настроение. Ни одна женщина на него так не действовала, даже жена, когда он ещё её любил.

Михаил Оксане симпатизировал. И ему иногда было немного обидно, что она, наоборот, совсем не жаловала своего шефа. Хотя это в любом случае предпочтительнее, чем если бы Оксана в него влюбилась.

Оксана

Через полчаса рассылка с заданием была готова, и почти сразу ей на почту полетели обратки. Как Оксана и предполагала, сотрудники восприняли идею придумать название для сети собственных мебельных салонов и получили за это премию с недюжинным энтузиазмом и загрузили её почту по самое не балуй. Если учесть, что остальные дела никто не отменял — а перед Новым годом их было больше, чем обычно, — то Оксана толком даже не успевала просмотреть приходящие письма. Алмазов дал двое суток на мозговой штурм, и она решила, что регистрирует все идеи после — когда это время закончится. Пока же, мельком заглянув в присланные варианты названий, Оксана только иронично улыбнулась: почти все пытались каким-то образом, чаще всего неудачным, обыграть фамилию шефа. «Алмаз-мебель», «Алмазная мебель», «Алмебель», «Алмазный дом мебели» — подобная безвкусица составляла процентов пятьдесят из полученного. Михаил Борисович будет не в восторге, но вдруг всё-таки удастся обнаружить среди этих плевел хотя бы парочку нормальных зёрен?

Сам Алмазов продолжал почти перманентно пребывать в плохом настроении, которое периодически ухудшалось или

улучшалось — в зависимости от успехов начальников отделов. Начальник отдела снабжения, например, решил проблемы с поставками новейшей фурнитуры, этим улучшив цвет лица её шефа почти на полдня, но затем начальник отдела логистики сообщил о трудностях на таможне и задержке европейских отделочных материалов — и Алмазов вновь помрачнел. Причём Оксана заметила, что уходить домой шеф с каждым днём стремился всё меньше и меньше, но и свиданий не назначал — она бы знала, он всегда просил её заниматься организацией всех своих встреч, даже личных, и это заранее обговаривалось ещё на этапе собеседования. Тогда Оксана, правда, не подозревала, что имеется в виду под личными встречами...

Забавно, а ведь Алмазов на собеседовании ей понравился как мужчина, и Оксана всерьёз раздумывала, стоит ли у него работать в таком случае. В итоге решила, что её чувства даже от влюблённости далеки — так, лёгкая симпатия, потому что симпатичный, вежливый, хорошо одевается и приятно пахнет, — и не стоит жертвовать карьерой ради призрачных ощущений. В результате эти ощущения позорно сдохли на первой же неделе работы, когда Оксана поняла, что Алмазов изменяет жене.

Были моменты, когда она и уволиться из-за этого хотела, настолько противно было заниматься бронированием столика в ресторане или номера в гостинице, обговаривая наличие цветов и полусладкого шампанского. Но потом, поде-

лившись своими страданиями с подругой, слышала другой взгляд на ситуацию и как-то... нет, не успокоилась — смирилась.

— Слушай, это бред, — отрезала тогда Наташа — подружка, благодаря которой Оксана устроилась после развода переводчиком-синхронистом. Когда-то они дружили втроём — Оксана, Лена и Наташа, — но после того, как Коля ушёл к Лене, Наташа заявила, что «даже на один унитаз с ней больше не сядет». — Какое «уволюсь», ты о чём? Понимаю ещё, ты сама бы с этим алмазом неограниченным спала. Но ты обыкновенный секретарь. И что, если ты уволишься — кому от этого будет легче?

— Мне?

— С х** ли? — фыркнула Наташа. — Тебе надо будет искать новую работу, в каком месте это легче? И главное: никто не гарантирует, что твой следующий начальник не будет заниматься тем же самым. Или хуже — вдруг к тебе начнёт приставать, как твой предыдущий шеф? Так что не дури, Оксан. И ещё момент... — Наташа поколебалась, прежде чем сказать: — Не думала, что его жену всё это может попросту устраивать?

— Что-о? — У Оксаны глаза на лоб полезли. — Да ладно, как это? Как может устраивать муж-кобель?

— Элементарно, Воронина. — Наташа развела руками. — Есть бабы, которых это вообще не смущает, — носит деньги в дом, из семьи не уходит, и ладно. Так что не лезь не в своё

дело, просто работай, и всё.

В итоге Оксана решила последовать совету подруги — и, как ни странно, не пожалела. А на второй год работы она даже иногда подтрунивала над Алмазовым по поводу его любовниц — ненавязчиво, но ядовито, — и он никогда не обижался, фыркал и улыбался только. Даже когда Оксана ехидно уточняла, какого цвета обёрточную бумагу использовать для упаковки подарка — чёрного или у него другие планы?

Да, при расставании шеф всегда дарил своим девкам украшения — только при расставании, во время встреч никогда, — поэтому вопрос Оксаны был правомерен. Может, следует готовить девушку к плохим новостям, начиная с обёрточной бумаги? Чтобы не обнадёживать.

— Это было бы слишком жестоко с моей стороны, Оксана Валерьевна, — ответил тогда Алмазов, мягко улыбнувшись и несколько не рассердившись. — Но можно какую-нибудь потемнее. Фиолетовую, например.

— Давайте тогда чёрной ленточкой перевяжем.

— Лучше полосатой, — произнёс шеф с абсолютно серьёзным лицом. — Как зебра. Хороший символ. Сегодня расставание, полоса чёрная, а завтра что-то новое — полоса белая.

Оксана тогда не выдержала и фыркнула, а потом смутилась, осознав, что этот диалог несколько вышел за рамки формального общения начальник-подчинённая.

Но полосатой ленточкой прощальный подарок для оче-

редной девицы она всё же попросила перевязать. И Михаил Борисович, гад такой, на Восьмое марта потом подарил Оксане букетик тюльпанов, перехваченных именно такой ленточкой. И подмигнул ещё, когда она застыла на своём рабочем месте, старательно делая лицо и пытаясь не рассмеяться.

Шеф умел быть обаятельным, да. И Оксана, наверное, даже влюбилась бы в Алмазова со временем — если бы не его многочисленные любовницы. Они обеспечили ей отличную прививку от его обаяния.

Михаил

Пару дней дома всё шло более-менее спокойно, но Михаилу было тошно туда возвращаться, и он засиживался на работе до последнего. Однако и от работы тоже порой подташнивало — не настолько он всё же трудоголик, — и Михаил в итоге уходил домой. Чтобы вновь строить из себя примерного мужа, ужиная приготовленной Таней едой и улыбаясь Маше.

Пока дочь держалась и вроде бы не ела недозволенного — ну, по крайней мере за ужином, но Таня уверяла, что на завтрак и обед тоже. Результат виден ещё не был, но Михаил надеялся, что со временем, если они с женой будут стараться...

Последние семь лет — исключая этот год — Михаил не ел с семьёй. Только по выходным, и то не всегда. Вечера в будние дни он проводил один или с очередной любовницей и приезжал домой, когда все уже разбредались с кухни. Заходил отдельно к дочери, а затем к сыну, а после шёл в свою спальню. Таню Михаил видел только в выходные. Но и тогда он старался всеми силами избегать совместного досуга, занимаясь с детьми без неё. А Таня и не возражала — у жены всегда находились свои «дела», к которым она стремилась сбежать. Это была их негласная договорённость: Михаил ви-

делся с любовницами только в будни, а Таня «развлекалась» в выходные.

Однако всё изменилось в тот вечер, когда жена не сдержалась и выкрикнула ту фразу про Машу. У дочери начались психологические проблемы, она замкнулась в себе, стала много есть и мало спать. Ухудшились оценки в школе. Обеспокоенная Таня почти перестала отлучаться по выходным, а Михаил всё реже назначал свидания в будни — не до девок ему было. Они с женой старательно строили из себя нормальную дружную семью, играли в неё, как дети играют в куклы, и Маше вроде бы стало легче. Улучшился сон, она наконец вновь начала нормально общаться и с удовольствием училась. Но вес продолжал расти, и по этой причине Михаил думал, что дочь всё прекрасно понимает и тоже играет в семью вместе с ними.

Единственным, кто ни во что не играл, был Юра. Он оставался собой весь этот год, усиленно учась в школе и на подготовительных курсах — выпускной класс обязывал. В свободное время играл на гитаре в музыкальной группе, встречался с друзьями. А если был дома, то общался в основном с отцом и сестрой, мать избегал. Хотя Таня этого даже не замечала — Юра ведь не грубил, на вопросы всегда отвечал спокойно, а большего ей и не надо было.

Зато замечал Михаил. И расстраивался. Несмотря на то что у него самого давно не было хороших отношений с Таней, он не желал, чтобы то же самое произошло с сыном. Но

все попытки поговорить на эту тему Юра решительно пресекал, как типичный подросток-максималист.

В общем, Михаил уже начинал подозревать, что психолог в этой ситуации нужен не только Маше, но и всей их так называемой семье.

Утром в четверг Алмазов напомнил Оксане о том, что время для мозгового штурма сотрудников закончилось, и пожелал увидеть результаты. Секретарь кивнула, пообещала систематизировать все варианты названий и показать их после обеда. И через четыре часа Михаил с вытаращенными глазами изучал предложения коллег.

Листок, на который Оксана записала все варианты, где использовалась его фамилия, Михаил скомкал и выбросил в урну сразу же. А вот остальное смотрел долго и пристально, но, к сожалению, сердце ни разу не ёкнуло: «Вот оно!». Были неплохие предложения, штук пять, но только неплохие — не отличные.

— Разрешите, я вам ещё свой вариант покажу, — сказала неожиданно Оксана, и Михаил вздрогнул — рассматривая результаты мозгового штурма, он успел забыть о её присутствии. — Вот.

Она положила перед ним листок, на котором...

Это было не совсем название. Это был концепт логотипа — да, с названием, но и с дизайнерской прорисовкой.

— Я решила, что у ваших — точнее наших — мебельных салонов есть одна проблема. Там не будет мягкой мебели, а думая о мебельном салоне, как-то невольно сразу представляешь диванчик. Поэтому мой вариант — мебельный центр

«Корпус». Сразу понятно, что речь идёт именно о корпусной мебели.

Михаил с интересом рассматривал то, что нарисовала Оксана. Слово «Корпус» было частично составлено из предметов мебели — шкафов, тумбочек, полочек, комодов, — под ним была черта, словно поверхность, на которой они стояли, и ниже мелкими буквами — «мебельный центр».

— Конечно, это ещё требует доработки, но вдруг вам понравится...

— Мне очень нравится. — Михаил кивнул, поднял голову и улыбнулся Оксане, которая выглядела взволнованной, даже покраснела слегка. — Я теперь боюсь.

— Бойтесь? — протянула она удивлённо, и он всё же решил пошутить:

— Да. С таким талантом будет неудивительно, если вы решите покинуть мою приёмную и вернуться к работе по специальности.

Секретарь тоже улыбнулась, расслабляясь, и покачала головой:

— Пока не тянет.

— А почему вы вообще ушли? — поинтересовался Михаил, не в силах сдержать собственное любопытство. — Почему решили поменять сферу деятельности?

Он сразу понял, что этот вопрос напомнил Оксане о чём-то неприятном. Секретарь чуть сдвинула брови, посуровела, перестав улыбаться, и ответила с лёгкой прохладцей в голо-

се:

— Так получилось, Михаил Борисович.

Понятно... Точнее, ничего не понятно, но ясно, что говорить на эту тему Оксана не хочет.

— Подготовите приказ?

— Приказ?

— Да. О премировании. Я принимаю ваш вариант.

— О! — Секретарь обрадовалась, вновь улыбнулась и едва в ладоши не захлопала. — Спасибо, Михаил Борисович!

И Алмазов неожиданно поймал себя на мысли, что ему отчего-то хочется снять с Оксаны её нелепые очки. Так лучше будет видно прекрасные глаза, и вообще...

«Кажется, у меня начинается спермотоксикоз», — хмыкнул про себя Михаил, отпуская секретаря.

Вечер дома был, как под копирку, похож на все вечера в последнее время, за исключением того, что Таня отчего-то приоделась — на ней было красное платье с блеском, обтягивающее и откровенное, с обнажённой спиной. Михаила прелести жены давно не волновали, и единственное, что он ощущал, — желание прикрыть эту спину каким-нибудь платком, чтобы Таня не морозила лопатки. Была мысль, ради чего супруга так старается, но Михаил гнал её, не желая портить себе настроение раньше времени.

Периодически, раз в две-три недели, жена предпринимала очередную попытку пролезть в его постель. Это происходило только последний год — до этого она семь лет не напоминала о себе, довольствуясь лишь деньгами и статусом. Но после того вечера и неосторожных слов про Машу Таня как с цепи сорвалась и пыталась соблазнить Михаила с завидной регулярностью.

Поначалу было смешно, потом стало раздражать. Он ощущал себя человеком, которому подсовывают осколки разбитой чашки и пытаются убедить в том, что из неё ещё можно пить. Например, если склеить или налить воду в каждый осколок. Михаила это бесило, потому что он не понимал Таню. Как после всего, что было, жена ещё смеет к нему лезть? Наглости ей всегда было не занимать, но раньше, до женить-

бы и в первые годы брака, Михаила это только восхищало. Теперь же...

До женитьбы... Он вздохнул и желчно усмехнулся, заходя в свою спальню. Михаил переселился сюда много лет назад, когда выяснил правду про Машу. Раньше эта комната была кабинетом, да она и сейчас им оставалась — Михаил просто каждый вечер раскладывал и застилал диван, спал на нём, а утром сдвигал обратно. В такие моменты он отчего-то чувствовал себя приезжим — словно находился не дома, а в лучшем случае в гостях.

К кабинету примыкала небольшая ванная с душевой кабиной, умывальником и унитазом, и Михаил быстро разделся, отправив вещи в корзину для белья, и нырнул под прохладный душ, желая успокоить разгорячённые мысли.

Казалось бы, давно должен был перегореть, но... обидно. До сих пор обидно. И непонятно: за что? Что он не так сделал? Не подличал, не воровал, не обманывал. Всю жизнь любил только Таню, не изменял ей, даже в мыслях не было. Где и когда он ошибся? Почему всё вокруг него рассыпается на куски, превращается в голимый пепел? Ни дома, ни семьи нормальной. Дети растут хорошие, но психологически искалеченные. Только в работе он достиг успехов, но разве этим можно утешиться? Лучше бы было наоборот...

Таня... Михаил учился вместе с ней в одном классе с начальной школы. И влюбился в неё, ещё когда был мелким семилетним сопляком. Как там в песне поётся? «То ли де-

вочка, а то ли виденье» — вот так он воспринимал Таню до поры до времени. У неё были светлые, почти белые волосы, чудесная кожа, большие небесные глаза, губы бантиком и обворожительная улыбка — куколка, а не девочка. В первом классе, правда, у Тани не было передних зубов, но это только добавляло очарования для Михаила, и он смотрел на неё влюблёнными глазами, носил портфель до дома — они жили по соседству, — помогал делать уроки, покупал маленькие шоколадки на карманные деньги, которые давала ему мама. Вместо того чтобы тратить на себя, Михаил тратился на Таню, стараясь заслужить хотя бы её улыбку. И она действительно улыбалась, и всегда предпочитала его остальным мальчишкам.

Михаил рос в неполной семье — его отец рано умер, мама овдовела и никогда больше не состояла ни в каких отношениях, даже временных. Отца помнил плохо, но те воспоминания, которые были, казались ему волшебными — улыбка, крепкие руки, весёлый смех, ласковые взгляды, которыми он всегда награждал маму. Отец умер от рака, сгорев буквально за год, когда Михаилу было шесть, и мама как-то сразу постарела, потухла, словно сгоревшая свеча. Мария Петровна была однолюбом, и Михаил раньше думал, что он тоже. Однако жизнь расставила всё по своим местам.

У Тани, в отличие от него, были и мама, и папа — однако обоим было даже не за сорок, а под пятьдесят. У Тани была старшая сестра, с которой они были похожи как две капли

воды, но незадолго до двадцатилетия та разбилась, попав в аварию вместе со своим молодым человеком. Он выжил, она — нет. Потеряв единственную дочь, Танины родители чуть не сошли с ума и в итоге приняли решение попытаться завести ещё одного ребёнка.

Вот так и родилась Таня — девочка, которую с самого рождения все носили на руках. И Михаил продолжил эту добрую традицию, влюбившись в неё и вознеся на пьедестал. Он не замечал в ней абсолютно никаких недостатков — с первого класса Таня была для него самой лучшей, обожаемой и любимой.

Возможно, всё сложилось бы иначе, если бы Танины родители были против него, не желая, чтобы их дочь связывала жизнь с сыном одинокой швеи — доброй и честной, но небогатой женщины. Однако они не были меркантильными людьми, испытывали искренние чувства к дочери и видели, что Михаил влюблён в неё, поэтому изначально всегда были за него, настраивая и Таню.

Теперь он понимал, что в её сердце не было любви — Таня просто поддавалась общему настроению. И когда в выпускном классе Михаил сделал ей предложение, с лёгкостью согласилась.

— Я никогда-никогда тебя не подведу! — говорил он в тот день, обнимая Таню и ощущая себя настолько счастливым, что Михаилу казалось — он сейчас взлетит над землёй. — Всегда буду любить, оберегать, обеспечивать!

Она улыбалась и кивала — торжественно, как принцесса, которая согласилась выйти замуж за свинопаса. Принимала его поцелуи и ласки, робко откликалась, но Михаил тогда не довёл дело до конца — он, как неисправимый романтик, желал, чтобы первый раз у них случился после свадьбы, в первую брачную ночь. Что ж, ему тогда было восемнадцать, и подобный инфантилизм вполне объясним. Но теперь, вспоминая о собственных мечтах в то время, Михаил не мог не испытывать чувство горечи и стыда.

Да, ему было стыдно. За наивность, за слепую любовь, за веру и надежду — до последнего. Если бы он увидел и понял всё раньше... как поняла мама.

— Сынок, — вздохнула она, когда Михаил вывалил на неё новость о том, что Таня дала согласие на его предложение руки и сердца, — может, ты подождёшь пару лет?

— А чего ждать? — не понял он.

— Миш... — Мама вновь вздохнула. — Она ведь не любит тебя. Подожди немного, и сам поймёшь.

Михаил тогда смертельно обиделся на мать. Так обиделся, что до самой её смерти спустя два года — как и отец, она очень быстро сгорела от рака, — почти не разговаривал с ней. Мария Петровна не обижалась, не корила сына, не пыталась переубедить, но на их с Таней свадьбе почти не улыбалась.

Рождение Юры она ещё застала, подержала внука на руках. И сказала, ласково поглаживая его по мягким светлым

волосикам:

— А может, и не права я... Может, всё ещё будет...

Михаил тогда не понял и не стал переспрашивать. Зато сейчас он понимал — мать надеялась, что они с Таней всё-таки будут счастливы, вопреки её нелюбви к нему.

Увы...

Михаил вылез из душевой кабины, вытерся полотенцем, надел халат и вышел в комнату. И сразу чертыхнулся — на пока ещё не разложенном диване в откровенном красном пеньюаре сидела Таня.

Неужели он забыл закрыть дверь? Да быть того не может, точно же закрывал!

— Не смотри на меня с таким удивлением, — улыбнулась жена, откидываясь на спинку дивана. В руках она держала бокалы с чем-то красным — видимо, вино притащила. — Я давно научилась открывать эту дурацкую дверь шпилькой, это совсем несложно.

— Рад, что ты сообщила мне об этом, — произнёс Михаил холодным тоном. — Теперь поставлю на дверь щеколду.

— Ладно тебе, Миш. — Таня встала, поставила бокалы на журнальный столик и медленно пошла к нему. Распахнула пеньюар — под ним не было бюстгальтера, зато были совершенно развратные трусы: с отверстием между ног, закрытым на молнию. — Давай сделаю тебе приятное? Как раньше.

Раньше... Да, когда-то секс у них был крышесносный. Однако воспоминания о тех временах здорово горчили — ведь

потом выяснилось, что уже тогда у Тани был любовник. Или любовники.

Михаил понятия не имел, сколько в точности их было, и не горел желанием просвещаться.

— Тань... — начал он, ещё пытаясь быть вежливым и не слать жену матом на три буквы, но она вдруг опустилась перед ним на колени, и Михаил недоуменно замер. А Таня, воспользовавшись его секундным замешательством, распахнула полы халата и ткнула губами в пах.

Сложно сохранять невозмутимость, когда женщина берёт тебя в рот, и Михаил прикрыл глаза, ощущая возбуждение пополам с брезгливостью. Толкнулся в глотку, положил ладони на Танины плечи и фыркнул со злостью:

— Не пойму, чем тебе поможет тот факт, что теперь я знаю — горловой минет ты делаешь как заправская шлюха?

Жена дёрнулась, как от удара, и он ожидал, что она вот-вот отстранится, но нет — только сильнее заработала языком и губами, всасывая его в себя, и Михаил, хмыкнув, тоже заработал корпусом, вколачиваясь в её горло — агрессивно и абсолютно без жалости, словно мечтал проткнуть. Он никогда не вёл себя так с женщинами раньше, никогда...

Почувствовав приближение финала, резко вышел и, выругавшись, кончил Тане на лицо.

Возбуждение сразу схлынуло, уступив место даже не брезгливости, а чему-то... ещё хуже.

— Вали-ка отсюда, пока я тебя не прибил, — прорычал

Михаил, запахивая халат и отворачиваясь от жены, которая вытирала щёки и лоб собственным пеньюаром.

— Миш...

— Вали, я сказал! — рявкнул он и пошёл в ванную, чтобы принять душ ещё раз.

Когда через десять минут Михаил вновь шагнул в спальню, Тани здесь не было, и он вздохнул с облегчением.

Мерзость, какая же мерзость. И этой мерзостью пропитана вся его жизнь.

Оксана

На вечер пятницы был назначен новогодний корпоратив — хотя до Нового года оставалось ещё две недели. Но Алмазов, ещё в начале ноября давая Оксане задание позаботиться о бронировании ресторана, заранее сказал, что не будет против, если она не станет заказывать зал на двадцатые числа декабря. Цены в это время взлетали настолько, что можно было и разориться, оплачивая сотрудникам заслуженную пьянку.

Рабочий день по приказу Михаила Борисовича заканчивался в четыре, а дальше были варианты — можно было либо поехать в ресторан на заказанном трансфере, либо на собственной машине, либо отправиться домой, чтобы переодеться, а потом уже явиться в ресторан, добравшись до него любым удобным способом. Сотрудники, которым ехать из дома было слишком долго, пришли в вечерних нарядах заранее, а вот Оксана планировала зарулить домой. Таскаться весь рабочий день в вечернем платье и на каблуках? Ну уж нет. Она предпочитала мягкие балетки, тем более что Алмазов не возражал и не заставлял её носить шпильки, несмотря на низкий рост. Оксана вообще не любила каблуки, но короткое синее платье, которое она выбрала для похода на

корпоратив, совершенно не сочеталось с обычной обувью, и пришлось надевать туфли. Заодно и макияж делать поярче, и волосы укладывать. Но в итоге Оксана осталась довольна своим внешним видом. Красавицей она никогда не станет, но миленькой — вполне.

Оксана приехала в ресторан к семи, и действо было уже в самом разгаре: народ гулял с шести вечера. В большом зале играла цветомузыка, по бокам, у стен, стояли столы с закусками в формате фуршета: там были в основном канапе и тарталетки с начинками. Ещё Оксана нашла фрукты, сырное и шоколадное фондю, маленькие пирожные... Но в целом еды оказалось маловато, а вот выпивки — хоть упейся. И Оксана даже не сразу обнаружила кувшины со свежесжатым апельсиновым соком — настолько всё было заставлено различными бутылками.

Народ ел, пил, смеялся и танцевал — атмосфера была абсолютно расслабленная. А Оксана озиралась, отчего-то выискивая Алмазова — он, как ей сказали, в начале вечера толкнул в микрофон крутую речь, и она жалела, что не слышала. Оксане нравилось, как шеф выступает, у него был настоящий талант, в отличие от неё. Если бы ей дали микрофон, максимум, что она смогла бы сделать, — это сказать в него глубокомысленное: «Э-э-э».

Через пару минут Оксана осознала, почему ищет глазами Михаила Борисовича — ей весь день не нравилось его состояние, шеф был не просто мрачен, а подавлен, как человек, у

которого случилось что-то очень плохое. И это неосознанно беспокоило, хотя Оксана честно старалась не обращать внимания и вообще уговаривала себя, что это не её дело. Но... она по натуре была человеком сочувствующим и даже жалостливым, поэтому не думать о моральном состоянии шефа не получалось. И Оксана заранее поняла, что он наверняка напьётся на корпоративе.

С чего она это решила, было непонятно. Ни разу за два года Оксана не видела Алмазова пьяным, а на прошлом новогоднем корпоративе он выпил только бокал шампанского. И во время празднования 23 февраля, 8 марта и прочих красных дней календаря всегда открещивался от спиртного под предлогом того, что за рулём. Однако сегодня...

— Оксана Валерьевна, вы уже пробовали эти тарталетки с икрой? Попробуйте, они вкусные, — раздался позади неё невозмутимый и абсолютно трезвый голос шефа, и Оксана едва не подпрыгнула от неожиданности.

— Ох, Михаил Борисович! — Она резко развернулась и уставилась начальнику в область галстука. — А я почему-то думала, что вы уже ушли...

— Пока нет. Как же я мог уйти, не увидев вас?

Он всё-таки выпил. Вон как глупо шутит.

— Спасибо, это лестно, — пробормотала Оксана и всё же подняла голову, чтобы убедиться в своей догадке.

Ну да. Глаза блестят...

— Хотите потанцевать? — вдруг предложил Алмазов,

махнув рукой в центр зала, где музыка звучала гораздо громче и народ выписывал различные кренделя.

— Это плохая идея, — помотала головой Оксана. — Танцую я так себе, особенно если на каблуках...

— Точно! — Шеф посмотрел на её ноги, и Оксана сглотнула — взгляд показался тёплым, почти обжигающим, он словно ладонью коснулся её коленок, икр, щиколоток... — Вы на каблуках! А я всё думаю: что-то с вами не то. А это каблуки!

Шикарный комплимент, и будь Алмазов трезвым...

Даже обидно стало. «Что-то не то». Ну да, ну да, она вся — «что-то не то» по сравнению с его идеальными девицами.

— Извините, мне нужно в туалет, — процедила Оксана и, не дожидаясь ответа, развернулась и зашагала в сторону выхода, где видела необходимую дверь, когда заходила в restroom.

В туалете она провела несколько минут, а когда вышла, Алмазова на прежнем месте не оказалось. И вообще нигде не оказалось — он как в воду канул.

«Ну и хрен с ним», — подумала Оксана, решив насладиться вечером по максимуму. Наелась, напилась свежесжатого сока, даже потанцевала немного и через пару часов решила, что пора и честь знать — пока доберётся до дома, пока примет душ, наверняка перевалит за полночь, а Оксана старалась лечь не позже двенадцати. Стоило чуть при-

поздниться — и у неё по утрам болела голова.

Оксана оделась, переобулась — уличную обувь она оставляла в пакете в гардеробе — и вышла из здания, намереваясь заказать такси уже на улице. Подождёт немного, воздухом подышит, посмотрит на снежок — снегопад к ночи разыгрался нешуточный, валил так, что неба не видно, одни кружащиеся в танце мохнатые снежинки. Наверняка придётся в пробке постоять, но спускаться в метро Оксане всё равно не хотелось — в коротком платье она чувствовала себя неудобно, тем более что куртка у неё тоже была не длинная, все ноги наружу. Лучше в тёплом салоне посидит.

Оксана как раз залезла в приложение и набрала адрес, когда откуда-то сбоку послышался характерный звук — кто-то смачно опорожнял желудок. Она поморщилась, покосилась за угол ресторана и замерла, поняв, что качающийся пьяница подозрительно смахивает на её шефа...

Едва не уронив телефон от удивления, Оксана убрала смартфон в карман куртки и быстро пошла по направлению к Алмазову, пока ещё надеясь, что обозналась. Но нет! Это действительно был он. Стоял на углу заведения без верхней одежды, в костюме и ботинках для помещения, держался за стенку, закрыв глаза, и дышал. Его больше не рвало, но на всякий случай Оксана не стала подходить слишком близко.

— Михаил Борисович! — позвала она осторожно, останавливаясь в двух шагах от шефа. — Михаил Борисович!

Алмазов качнулся сильнее, и Оксана, сквозь зубы выругавшись, подхватила его под мышки.

— О-а-а-на, — простонал он, едва не свергнувшись на землю, несмотря на её поддержку. — О-а-а-на...

Ничего, кроме мычания, Оксана от шефа тогда так и не добила, поэтому кое-как дотащила его до проезжей части и вызвала такси. В ресторан возвращаться не стала — понятия не имела, оставлял ли Михаил Борисович там свои вещи. Да даже если оставил, вряд ли их выдадут без номерка, который тоже неизвестно где, если вообще в наличии. Поэтому Оксана решила, что с одеждой шеф потом разберётся сам, её дело — просто погрузить его в машину и убедиться, что он попал домой, а не замёрз под ближайшей сосной.

Это оказалось не так-то просто — Алмазов максимум мычал и хмыкал, таксист ругался, и к тому моменту, как Оксана оказалась в собственной квартире, с трудом дотащив туда шефа, она успела тысячу раз пожалеть, что заделалась спасательницей. И злость на начальника, которая несколько поухлила в последнее время из-за отсутствия у Михаила Борисовича встреч с любовницами, разгорелась с новой силой.

А утром шеф ляпнул, что она непривлекательна, и Оксане стало совсем обидно.

Михаил

Утро после корпоратива

Настолько мерзотно Михаил не ощущал себя ни разу в жизни. И вовсе не от отвратительного похмелья, больной головы и жуткого запаха изо рта, хотя и это всё не радовало. Нет, сильнее всего его выбивало из себя то, что он умудрился нагрубить Оксане.

Удивительно, но если с женой Михаил давно не следил за языком — ему было безразлично, как и в каком тоне он с ней разговаривает, — то обижать своего секретаря совсем не хотелось. Таня хотя бы заслужила подобное обращение, а Оксана не сделала ему ничего плохого, чтобы он тут оскорблял её с утра пораньше.

Михаил медленно, держась за кружащуюся голову, встал с кровати. Огляделся, пытаясь сообразить, где здесь может находиться ванная. Подумал, что ближе к коридору, и пошёл туда.

В ванной скинул всю одежду, принял почти ледяной душ, почистив зубы пальцем и хорошенько прополоскав рот, вышел... И поморщился, осознав, что одеться решительно не во что. Вчерашняя одежда была мятой и несвежей, но не выходить же к Оксане в одном полотенце на бёдрах, как в пош-

лом любовном романе? Пришлось натягивать трусы и брюки, благо ни на том, ни на другом Михаил не обнаружил следов рвоты или какой-либо грязи. И за это, как и за то, что он вообще остался жив, надо было благодарить Оксану.

События последних дней, особенно атмосфера у него дома, изрядно подействовала на психику, и накануне Михаил, закрывшись на корпоративе в «випке», наклюкался почти как в тот день, когда узнал правду о Маше. Тогда он ещё наивно думал, что это была первая и единственная измена Тани. Знал бы, что не первая и не единственная, наверняка в петлю бы полез. А теперь уже было всё равно.

Сейчас его беспокоили дети. Юра с неприятием матери, Маша с лишним весом и игрой в семью. Надо каким-то образом затащить к психологу хотя бы её, но как?! Не насильно же вести, она просто не будет разговаривать. И если бы только с психологом, но и с Михаилом тоже. Необходимо мягко уговорить, но у него не было ни одной идеи, как это сделать, и посоветоваться было не с кем. Ближайшие друзья все женаты на нормальных женщинах и считают Таню такой же, как их жёны, и посвящать кого бы то ни было в подробности их странной семейной жизни... нет, Михаил не мог. Он вообще никому и никогда не рассказывал о том, что делала Таня.

Да, бухать в одиночестве не было выходом, и Михаил это понимал. Но у него просто не выдержали нервы...

Последнее, что он помнил — как, прихватив бутылку с остатками коньяка, побрел прочь из ресторана. По дороге

удивительным образом никого не встретил, кроме охранника на входе, который попытался его окликнуть, сказал что-то про одежду, но Михаил только рукой махнул и промычал: — В машине.

Он даже не подумал, что в подобном состоянии не сможет сесть за руль. Вышел, завернул за угол, напрочь забыв, где находится стоянка, отхлебнул коньяка... Потом ещё, и ещё...

Кажется, после этого его стошнило, но в любом случае где-то тут воспоминания и обрывались. Потом вспыхивали короткими и яркими образами — вот Оксана поддерживает его, чтобы не грохнулся, вот тащит к машине, вот пытается что-то ему сказать, сидя в салоне автомобиля... Нет, дальше пусто. Значит, где-то в такси он окончательно отрубился. Удивительно, как секретарь дотащила его до квартиры. Такая маленькая... такого здоровенного...

А Михаил назвал её непривлекательной. Тьфу ты, debil!

Он вздохнул и вышел из ванной — в одних брюках, без рубашки, она всё же была слишком вонючей. И направился на кухню, отчего-то стараясь ступать потише — то ли чтобы не беспокоить лишний раз Оксану, то ли потому что от малейшего звука начинала трещать голова.

И эта самая голова затрещала сильнее, как только Михаил подошёл к дверному проёму, ведущему на кухню, и заметил, что Оксана стоит у окна и... кажется, плачет.

О-о-о, нет. Чёрт-чёрт-чёрт!!!

Она действительно плакала. Тёрла маленькими кулачками глаза, как ребёнок, шмыгала носом, вздыхала, и от этого её смешные волосы-пружинки вздрагивали в такт, словно тоже были расстроены.

Михаил, ругая себя на чём свет стоит, шагнул в кухню, и Оксана, моментально заметив его, напряглась, выпрямилась, кинула мимолётный взгляд, но тут же отвернулась.

— На плите яичница, на столе кофе. К сожалению, от похмелья у меня больше ничего не имеется. Ешьте, пейте, а я пойду, — протараторила она слегка дрожащим голосом, попыталась прошмыгнуть мимо Михаила, но он не позволил, взяв Оксану за руку.

— Простите меня, ради бога, — сказал искренне, испытывая дикий стыд при взгляде на её красные растёртые глаза. — Я не хотел вас обидеть.

— Ерунда, забудьте, — выдохнула Оксана, дёрнула рукой, но Михаил держал крепко.

— Не ерунда. Послушайте...

— Не нужно, — она поморщилась, и он пришёл в ужас, когда из-под зажмуренных век по щеке скатилась прозрачная слезинка. — Не врите, пожалуйста. Я всё понимаю, видела же ваших... Вы просто сказали правду, я для вас неприглядна. Я не обижаюсь. Всё в порядке.

У Михаила отчего-то безумно колотилось сердце. А ещё очень хотелось обнять, по-настоящему обнять Оксану, утешить, сказать, что это всё ерунда, неправда, а на самом де-

ле...

Но он для этого был уже недостаточно пьян.

— Оксана Вале... — начал Михаил, стараясь всё-таки придумать какие-то слова утешения, однако не успел — в дверь неожиданно позвонили.

Оксана

Услышав дверной звонок, Оксана распахнула глаза, резко вытерла свободной ладонью щёки и покосилась в сторону коридора. Суббота, утро, хоть и не раннее... Кого там черти принесли? Она никого не ждёт. Если только газовщики пожаловали на очередную проверку, но это маловероятно — в прошлом месяце ходили.

А может, это жена шефа? А что, почему бы и нет? Вдруг у неё на телефоне стоит какая-нибудь следилка? И она пришла узнать, где благоверный провёл ночь. После такого ещё запишет Оксану в любовницы, и потом не переубедишь же. Оксана и сама бы не поверила, если бы ей рассказали, что какая-то секретарь тащила пьяного начальника до собственной квартиры, только чтобы он не замёрз на улице. Где это видано — подобные добрые дела совершать в современном чёрстве мире?

— Вы кого-то ждёте? — настороженно спросил Михаил Борисович, вторя её мыслям, и Оксана покачала головой.

— Нет. А это... не может быть ваша жена? — поинтересовалась она с опаской, косясь на шефа, у которого после этих слов отчего-то стало очень странное лицо.

— Жена? — переспросил он настолько удивлённо, словно

Оксана сказала то, чего вообще не могло быть. — Нет, вряд ли.

— Тогда не знаю. Но в глазок посмотрю, мало ли.

Она развернулась и отправилась в прихожую, а Михаил Борисович зачем-то шёл следом, но Оксана не стала возражать, было лень спорить. Хотя он изрядно смущал её своим полуголым видом. Оксана вообще никогда не видела таких рельефных и здоровенных мужиков — ну, только на картинках. Коля был её единственным партнёром, и он подобного пресса не имел, вместо него был небольшой животик. Прямо скажем, Оксане это всегда было неважно, но теперь, когда она мимолётно и украдкой бросала взгляды на Алмазова, ей оказалось любопытно, какой он на ощупь. Очень твёрдый или нет? А редкие светлые волосы, уходящие вниз, за пояс брюк, мягкие или наоборот?

От этих мыслей пересыхали губы и бросало в жар. А ещё было немного стыдно. Ненормальная ведь ситуация, неправильная — они вдвоём в её квартире, Оксана в халате, шеф в одних штанах, с голым торсом. Начальники не должны так ходить перед своими секретарями, и наоборот.

Оксана вздохнула, облизала пересохшие губы и приподнялась на носочках, заглядывая в глазок. И почти сразу от неожиданности и шока чуть не села на пол, потому что с той стороны двери с букетиком топтался Коля.

— Етить твою налево... — прошептала Оксана, отскакивая от двери, и наткнулась спиной на Алмазова. Вздрогнула,

попыталась отойти в сторону, но он не дал, придержав её за плечи.

— Вы так реагируете, как будто за дверью сам дьявол, — тихо фыркнул шеф куда-то ей в макушку.

— Почти, — пробормотала Оксана, ощущая, как колотится сердце — но вовсе не из-за Коли. Просто Алмазов стоял сзади, вплотную к ней, и Оксана чувствовала спиной его обнажённый горячий торс. Действительно горячий... как печка... И это оказалось настолько волнующе и эротично, что у неё в голове вместо мыслей вдруг начал кружиться какой-то розовый сладкий туман. — Бывший муж...

— Кто? — изумился шеф, и его ладони на её плечах дрогнули. — Вы же в разводе.

— Угу. Ну, я так и сказала — бывший...

Алмазов помолчал, словно задумавшись.

— И что ему надо?

— Ну... — Оксана потёрла переносицу, пытаясь прогнать туман из головы, но получалось плохо. Надо срочно заводить себе любовника для здоровья, чтобы на шефа не отвлекаться. Это ж надо — возбудиться только от того, что он прижимается к её спине! — Вернуться хочет. Вроде как.

— А вы?..

— Против, конечно.

— Ладно, — сказал Алмазов отчего-то очень довольным голосом. — Сейчас мы его прогоним.

— Мы?..

— Да. Только, Оксана, сделайте лицо попроще.

Спросить, зачем ей делать лицо попроще — и как это, собственно, попроще? — она не успела. Шеф решительно шагнул вперёд, щёлкнул задвижкой и под изумлённый возглас Оксаны распахнул входную дверь.

Ноги сразу хлестнуло ледяным воздухом, будто Алмазов открыл дверь не в подъезд, а напрямую на улицу. Но Оксана на это даже внимания не обратила, прикипев взглядом к лицу Коли. Никогда в жизни она не видела у него настолько изумлённого выражения... Наверное, если бы Коля застал в квартире Оксаны не полуголого мужика, а динозавра, он и то был бы менее шокирован.

— Э-э-э... — протянул бывший муж, и она не выдержала — расплылась в улыбке, моментально поняв замысел шефа. Ткнуть Колю носом в другого мужчину, тем более полуголого, это отличная идея. После этого он должен перестать таскаться сюда с букетиками!

— Так, я не понял, Оксан, — недовольно и угрожающе протянул Михаил Борисович, а потом и вовсе зарычал: — Это что ещё за хр-р-рен с гор-р-ры?! И с букетом к тому же!

— А это мой бывший муж! — радостно возвестила Оксана, махнув рукой в сторону Коли, отчего он позеленел. — Тот самый, который три года назад ушёл от меня к моей лучшей подруге, а теперь хочет вернуться.

— Обалдеть, — выдохнул Алмазов, судя по всему реально обалдев от подобной наглости. — А жареных гвоздей он не

хочет?

Коля побледнел, попятился, уронил букетик и, проблевав что-то невнятное, понёсся вниз по лестнице с такой скоростью, словно ему в задний проход насыпали перец. Вот и отлично! Пусть выметается к Ленусику и с ней строит счастливое будущее! Три года назад Оксана сказала ему то же самое и с удовольствием повторила бы ещё раз.

Шеф захлопнул дверь, повернул задвижку и, посмотрев на Оксану, улыбнулся:

— Я смотрю, вы довольны?

— Ещё как, — она кивнула, стараясь не смотреть на голую грудь собеседника. Но вот беда — за время работы у Алмазова Оксана как-то привыкла смотреть ему не в глаза — высокогато, — а в район галстука. Ну, максимум на подбородок... Однако теперь смотреть туда было нежелательно, чревато помутнением мозгов и покраснением щёк, поэтому Оксана старательно пялилась шефу в глаза. Красивые, серо-голубые, слегка ироничные. — Спасибо вам. Может, хоть теперь он от меня отстанет. А... что это была за фраза про жареные гвозди? Никогда её не слышала.

— А это из «Черепашек-ниндзя». Знаете, мультик был такой старый? Вот оттуда. Я в детстве был его фанатом.

Оксана не выдержала и фыркнула. Её шеф, суровый господин Алмазов, бабник, каких свет не видывал, — фанат «Черепашек-ниндзя»! Это было настолько забавно, что вслед за откровенным фырканьем Оксана искренне рассме-

ялась, утыкаясь лицом в ладони, и немного смутилась, услышав, что её начальник тоже смеётся, совсем не обидевшись на эту вольность.

Дорогие читатели! Если вам нравится история, ставьте, пожалуйста, звёздочки! Помогите автору подняться выше)))

Как говорил трактирщик из моего любимого фильма "Обыкновенное чудо": "Бороться за свою славу - что может быть утомительнее?"))

Михаил

Было так замечательно стоять в коридоре вместе с Оксаной и смеяться. Она делала это настолько чисто, заразительно и по-настоящему, что Михаил даже умудрился забыть, а над чем, собственно, они смеются. Это было неважно. Просто хорошо и спокойно, как уже давно не случалось у него ни с одной женщиной.

И странно, но с Таней, кажется, ему тоже не было настолько спокойно. Или было, но он просто забыл за давностью лет? Да, наверное.

Оксана наконец опустила руки, посмотрела на него — и чуть покраснела, скользнув взглядом по голой груди. Сглотнула, подняла голову и покраснела сильнее, кажется, осознав, что Алмазов это заметил.

Но он не просто заметил — Михаил неожиданно почувствовал, что ему это нравится. Нравится быть привлекательным в её глазах. Однако... в таком случае Оксане должно быть вдвойне обидно услышать от него те неосторожные слова. Неприятно быть непривлекательной для какого бы то ни было мужчины, но для того, кого считаешь привлекательным, неприятно вдвойне.

И Михаил понятия не имел, как это исправить.

— Вы что-то говорили про яичницу и кофе? — спросил он негромко, надеясь, что со временем его скверные слова забудутся. — Я бы поел, если не возражаете.

— Не возражаю, — выдохнула секретарь словно с облегчением. — Но всё уже остыло, наверное, лучше новое приготовить.

— Не нужно, я...

— Я приготовлю, — она решительно кивнула и направилась в сторону кухни, обойдя Михаила по такой дуге, словно он был прокажённым. И при этом явно пыталась не смотреть на него. — Мне не сложно.

Пока Оксана кашеварила, Алмазов сидел за столом на небольшой кухне и украдкой изучал собственного секретаря. Её фигуру — всё же до сегодняшнего утра он не видел Оксану в халате, — движения и жесты. И это оказалось неожиданно приятно и умиротворяюще.

Михаил обнаружил, что ему нравится смотреть на Оксану. На смешной махровый персикового цвета халат, на тонкие ножки, выглядывающие из-под него, на забавные тапочки с ушами как у зайца. Готовя завтрак, волосы Оксана затянула в хвост, и Алмазов теперь мог наблюдать её уши, которых раньше не было видно за кудрявой копной, и обнаружил, что они будят в нём странное желание прикоснуться. И даже не руками, а губами. Так и хотелось прижаться ртом к этой маленькой розовой раковине, поласкать языком, спуститься ниже, чтобы ощутить, как пахнет возле шеи, где взволнован-

но и гулко бьётся пульс...

Михаил мотнул головой и потёр пальцами виски. Что за эротическая фантазия? Да ещё и по отношению к Птичке. Перепил он вчера всё-таки. Пе-ре-пил.

— Приятного аппетита, — сказала Оксана вежливо, поставив перед ним тарелку с идеальной яичницей-глазуньей из трёх яиц — белок твёрдый, желтки яркими глазками, жидкие. Именно такую яичницу Михаил больше всего и любил. — Хлеб будете?

— Давайте.

Поначалу ели молча — Алмазов был не в силах разговаривать, ощутив такой бешеный аппетит во время еды, что едва не закапал слюной тарелку. И даже головная боль отступила, как только он съел почти всю яичницу, бутерброд с толстым куском докторской колбасы и выпил сладкий кофе с молоком.

— А как думаете, Оксана, почему ваш бывший муж хочет вернуться? — поинтересовался Михаил, внимательно следя за выражением лица собеседницы и готовясь свернуть диалог, если заметит, что ей неприятно. Но Оксана отреагировала спокойно, пожав плечами и ответив:

— Понятия не имею. С ума, наверное, сошёл.

Михаил хмыкнул, и секретарь улыбнулась, кинув на него быстрый взгляд, но тут же отвела глаза. Смущается. Наверное, у неё давно не было секса.

И... чёрт, почему эта мысль его возбуждает?

— Там у двери вы упомянули лучшую подругу... Ваш бывший муж на ней женился?

— Не знаю, главное, что со мной развёлся, — вновь пошутила Оксана. Она удивительно иронично относилась к тому, что Михаил вполне мог бы назвать трагедией. А как иначе? Развод, уход мужа к подруге... Ей должно было быть очень больно.

И кстати...

— Вы поэтому перестали рисовать... — протянул Алмазов и сразу пожалел об этом: Оксана моментально помрачнела. — Простите, не стоило мне...

— Ничего страшного. Не знаю, поэтому или не поэтому, но после развода, да. Понимаете... — Секретарь вздохнула и, задумавшись, закусил губу. Михаил проследил за этим жестом и поёрзал на табуретке. Как это он раньше думал, что у Оксаны некрасивые большие губы? Очень красивые, розовые и влажные... Да что же это такое сегодня с ним?! — Рисование — это творчество. Там вдохновение нужно, идеи какие-то. А у меня с тех пор ни вдохновения, ни идей.

— Ну, с «Корпусом»-то идея появилась, значит, не всё так безнадежно.

— Наверное. Но это первый раз за последние три года. Вы меня вдохновили премией, — улыбнулась Оксана, не глядя на него — она смотрела в собственную чашку, где уже давно не было никакого кофе. Как и у Михаила, впрочем.

И надо бы вставать, одеваться и прощаться... Но не хоте-

лось.

— Я, когда учился в школе, писал стихи, — сказал он вдруг, признаваясь в этом впервые за последние много-много лет. И фыркнул, когда Оксана всё же подняла голову, оторвавшись от созерцания чашки, и посмотрела на него вытаращенными глазами, полными изумления. — Да, писал. Говорили, что неплохие. Потом в институте на стихи стало меньше времени, но всё равно иногда... А после кое-что случилось, примерно как у вас, и как отрезало — не могу больше, не чувствую ни ритма, ни рифмы, ни одного образа в голову не приходит.

Глаза Оксаны всё ещё были полны изумления, но она тем не менее смогла понимающе кивнуть и сказать:

— Да, вот и у меня так же. А... о чём вы писали стихи?

— Ну о чём ещё может писать сопливый влюблённый подросток, как не о любви? — засмеялся Михаил, и Оксана робко улыбнулась. — Я за них даже премию какую-то получил литературную, среди школьников. Не помню уже, как называлась.

— А рассказы? Не писали?

— Нет, проза у меня не получалась. Если вам интересно, я могу принести в понедельник на работу свою старую тетрадку со стихами. Хотите?

Михаил не понял, зачем он это предложил. И как ему такое в голову пришло? А когда понял, подумал, что Оксане наверняка сейчас будет очень неловко отказываться.

Но она не отказалась.

— Да, конечно, интересно! — оживилась его секретарь, заблестев глазами. — Приносите обязательно!

— А вы... — он даже улыбнулся, приободрённый, — покажете мне свои рисунки?

Оксана застеснялась, но кивнула.

— Если хотите...

— Хочу, — подтвердил Михаил и внутренне вспыхнул от того, как на него подействовало это слово по отношению к Оксане.

Домой он возвращался в приподнятом настроении, несмотря ни на что. И оно улучшилось ещё больше, когда Михаил понял, что Таня куда-то отлучилась, забрав с собой и Машу. Дома был только Юра.

— Привет, пап, — махнул сын из гостиной, когда Михаил проходил мимо на кухню. Несмотря на то что у Оксаны он поел, аппетит вновь проснулся, но это было не удивительно — Михаил постеснялся сказать, что яичницы и бутерброда оказалось маловато, и пока доехал до дома, от голода почти озверел.

— А ты чего никуда не ушёл? — спросил Михаил, останавливаясь. — Выходной же.

— В понедельник контрольная по алгебре, — ответил Юра, вставая. — Готовился. Сейчас вот хочу перекусить и пойду прогуляюсь.

— Перекусить — это отлично, я тоже как раз собираюсь. Они соорудили сэндвичи с майонезом, колбасой и сыром, негласно проигнорировав то, что готовила Таня, заварили чай, и, когда сели за стол, Юра спокойно поинтересовался:

— А ты где был-то ночью, пап? Ты давно до самого утра не задерживался, мама злилась. И Машку, кстати, накрутила.

Михаил едва не подавился сэндвичем. Захотелось выругаться, но при сыне он не стал. Таня... как всегда, чёрт бы

её подрал. Ну зачем она вечно вмешивает во всю их дрянь дочку? Почему нельзя было промолчать, сделать вид, что всё отлично? Он ведёт себя подобным образом почти все годы брака, и ничего, даже друзья не догадываются ни о чём. Таня-то почему не может держать лицо хотя бы перед детьми?!

— Вчера был корпоратив, — ответил Михаил честно. Он никогда не врал сыну и отвечал по возможности правдиво, максимум что-то умалчивая. Доверие — штука хрупкая, и близким всё же лучше не врать. Иначе получится, как у них с Таней — от семьи остались один штамп в паспорте да свидетельство о браке. — Я слишком много выпил, было плохо, лыка не вязал. Переночевал в итоге у одного из сотрудников.

— Ничего себе, — Юра улыбнулся, — я тебя уже тысячу лет пьяным не видел.

— И ещё тысячу не увидишь. Это так, единичный случай. Что мать Маше наговорила?

— Ну, — сын взъерошил волосы на затылке, — всё в её стиле. Типа у тебя другие дела, важные. Сами слова вроде бы правильные, но тон, которым она это говорила... Короче, Маша очень расстроилась.

— Ясно, — поморщился Михаил. Действительно, всё в стиле Тани. Сколько дочь уже слышала от неё подобного — не счесть. И не удивительно, что у Маши начались психологические проблемы.

Чёрт, как же тошно-то.

— Слушай, пап, — вдруг вновь заговорил Юра, и от его

дальнейшего вопроса у Михаила в буквальном смысле волосы встали дыбом, — а когда ты с ней разведёшься?

— Что? — переспросил он через несколько секунд, глядя в невозмутимые глаза сына. — С кем?

— С мамой, с кем же ещё.

— А с чего ты решил, что я...

— Я не решил, — мотнул головой Юра, — я просто спрашиваю — когда? Или твой ответ — никогда?

Михаил сроду не обсуждал с сыном их с Таней личную жизнь, но прекрасно знал, что Юра в общих чертах давно обо всём догадался. Он с детства был умным и рассудительным мальчиком.

— Как я разведусь? — вздохнул Михаил, пожимая плечами. — Что при этом с Машей будет? Ты-то взрослый, Юр, а она? Меня одну ночь дома не было, а Таня уже накрутила её. И как ещё накрутит, если я решу подать на развод, одному Богу известно.

— Это да, — кивнул Юра. — После такого Машка с тобой небось вообще видаться не захочет.

— Ну вот видишь, сам всё понимаешь.

— Это да, — повторил сын, — но блин, пап. Ты же не живёшь давно. Мне лет шесть было, когда Машка родилась, и я хорошо помню тот ваш скандал, уж прости.

— Тебе было не шесть, Юр. Скандал был примерно через два года. Тебе тогда уже исполнилось восемь.

— Ну тем более. Я отлично всё понял. И вот с тех пор ты и

ходишь неприкаянный. И с мамой больше не можешь, и нас оставлять не хочешь. Это ясно. Но, пап, мы большие уже.

— Маша...

— И Маша большая, — возразил Юра горячо. — Она просто ещё не смирилась. Я тоже не сразу смирился, всё думал, как вас помирить. Но потом передумал. Побоялся, что сделаю ещё хуже.

У Михаила разрывалось сердце.

— Прости, если бы я знал...

— Да ты-то при чём, пап, — махнул рукой сын. — Что ты можешь сделать, если мама эгоистка? Даже сейчас, в ситуации с Машкой... Язык за зубами не придержала год назад и испугалась.

— Ты сейчас о чём? — не понял Михаил, и Юра фыркнул. Причём типично по-детски так — как человек, который считает, что знает и понимает больше собеседника.

— Да мама же до трясушки боится, что ты с ней разведёшься. Она ещё уверена, что ты никаких алиментов на Машку платить не станешь, а докажешь через суд, что мама тебя обманула, и она потом вообще должна останется. И из дома выселишь, и без копейки денег оставишь. Отомстишь ей так типа.

— Что за бред, Юр?

— Это не бред. Так она думает, я сам слышал. Ты же знаешь, как мама любит говорить по видеосвязи или просто звук включать. Она это всё обсуждала с какой-то из своих

подруженек. И та маме посоветовала поскорее от тебя забеременеть. Именно от тебя, а не от какого-то левого мужика, как в прошлый раз. Прямо так и сказала.

— П**ец, — на этот раз Михаил всё-таки не выдержал и выругался. А он-то считал, что Таня просто нагулялась, стареть начала, поэтому и решила наладить отношения. А она...

Хорошо, что Михаил услышал от Юры это всё не вчера. Иначе точно наклюкался бы до больницы.

— Согласен, — хмыкнул сын. — И повторяю вопрос про развод. Ты серьёзно так и собираешься до самой смерти жить с мамой? Я вот смотрю на это всё и думаю, что в таком случае тебе недолго осталось, уж прости за цинизм.

— Я не знаю, что тебе ответить, — тяжело вздохнул Михаил. Было безумно больно и обидно. Он так мечтал о нормальной полной семье, о любящей жене и детях. А теперь сидит на кухне собственноручно заработанной квартиры и обсуждает с семнадцатилетним сыном свой возможный развод. — Я не могу уйти от Маши. Точно не сейчас. Может, когда она станет старше, будет менее ранимой.

— Ладно, я понял. Тогда знаешь что, пап... найди себе бабу.

— Чего?..

— Найди себе бабу, — повторил Юра с абсолютно серьёзным, даже важным лицом. — Нормальную только, а не как... ну, ты понимаешь. Тебе надо хотя бы где-то душой отдыхать.

Иначе ты просто скопытишься, а я этого не хочу.

Да-а-а... Как же вырос его сын. Вроде ещё совсем недавно пешком под стол ходил, а тут вдруг выдаёт почти взрослые философские речи.

Однако в силу возраста Юра ещё не понимал, что «нормальные бабы» не согласятся на подобные ненормальные отношения. «Нормальные бабы» любовницами быть не хотят.

Взять вот, например, Оксану. По ней же сразу видно, что она о подобном не мечтает.

Чёрт, и почему он опять о ней думает?..

Оксана

После ухода Алмазова квартира словно опустела, и Оксана какое-то время недоумевающе прислушивалась к себе и к давно позабытому ощущению, что рядом кого-то не хватает. Ерунда, вряд ли это связано именно с шефом — скорее всего, гормональное. С тех пор, как Оксана развелась, никаких отношений она не заводила по двум простым причинам. Во-первых, от мыслей о другом мужике, к которому придётся подстраиваться — отношения же предполагают и это в том числе! — и которого придётся терпеть в собственной квартире, готовить ему еду, опускать после него стульчак унитаза... В общем, от мыслей обо всём этом у Оксаны начинала болеть голова. А если опять кобель попадётся, как Коля? Она ведь этого даже и не поймёт. Жила же с мужем пять лет и не догадывалась, что он тот ещё ходок.

Ну и во-вторых, просто встречаться с кем-то «для здоровья», как выразилась подруга Наташа, у Оксаны не было желания. Точнее, желание было — не хватало умений не заморачиваться. Секс для Оксаны был неразрывно связан с эмоциями и привязанностью, и подпустить к себе кого-то почти незнакомого она могла, только если хорошенько напьётся. А хорошенько напивалась она... дайте подумать... никогда.

Вот так и получилось, что Оксана уже три года не видела в своей квартире мужчину. И наверное, ещё столько же не увидела бы, если бы не этот корпоратив. А может, и дольше. Вполне возможно, её судьба — скончаться старой девой с кучей кошек под боком.

Кстати, о кошках. Где Ёлка-то?

Ёлка была натурой негостеприимной и всех, кто приходил к Оксане, заочно боялась. Пряталась в разные места и не выходила до тех пор, пока в квартире не оставалась одна хозяйка. Скорее всего, это было связано с травмой — ещё неизвестно, как вела бы себя Оксана, будь она избитой в прошлом. Возможно, сторонилась бы людей, как Ёлка.

Оксана искала свою кошку почти час, заглядывая во все углы в квартире, пока не услышала мяуканье, доносящееся изнутри гардероба. Распахнула дверцы — и из глубины шкафа на неё прыгнула перепуганная и несчастная Ёлка, сразу вцепилась всеми лапами в халат, раздирая его, и Оксана ещё час утешала и кормила бедное животное. И решила как-нибудь съездить к ветеринару, проконсультироваться насчёт подобного нервяка. А то вдруг Оксана через пару лет всё же решит завести себе мужика, а тут Ёлка со своим страхом?

Почему-то в качестве «мужика через пару лет» представлялся исключительно Алмазов, и Оксана, нахмурившись, решительно помотала головой. Нет уж, он здесь точно больше не появится. Пусть с другими женщинами развлекается!

И в этот момент, когда Оксана сердито пыхтела, сама не

понимая из-за чего, у неё неожиданно зазвонил мобильный телефон. Она часто брала трубку не глядя, но в этот раз посмотрела — и замерла с открытым ртом, увидев на экране имя бывшей подруги Лены. Той самой, к которой ушёл Коля.

Хм, интересненько. И что ей могло понадобиться?

Было слишком любопытно, чтобы не брать трубку, и Оксана её взяла.

— Алло.

— Привет, Ксю, — послышался сладкий и словно какой-то заискивающий голос Лены. — Как дела?

Ой, как прекрасно. Впервые за три года позвонить бывшей лучшей подруге, у которой увела мужа, чтобы спросить, как дела. Оксана никак не могла решить — это глупо или нагло? Пожалуй, второе.

— Не жалуюсь. А ты чего звонишь? Колю, что ли, ищешь? Лена наигранно вздохнула.

— Вот ты как всегда. Нет бы поговорить, пообщаться... А ты сразу — бац и в лоб. Нет в тебе деликатности, Ксю, нет.

— Согласна, — равнодушно хмыкнула Оксана. — Куда мне до тебя. Это же так деликатно — звонить женщине, с чьим мужем ты спала.

— Бывшим мужем.

— Ну теперь-то да.

— А это, знаешь, не поздно и исправить, — протянула Лена. — Вы развелись, но мы-то так и не поженились. Коля всё тянул, несмотря на то что я родила. Дочка у нас, Варечка,

знаешь?

— Не знаю. Поздравляю.

— Спасибо. Так Коля у тебя?

Оксана возвела глаза к потолку. Лена говорила так, словно была уверена, что Коля действительно у неё.

— Конечно, у меня. В холодильнике лежит, остывает.

Лена не поняла. Помолчала пару секунд в трубку и насто-роженно переспросила:

— Что?

— В холодильнике, говорю, лежит. Ну а что? Куда ещё можно труп спрятать? Балкона-то нет у меня.

— А-а-а... — с облегчением протянула Лена, и Оксана ехидно улыбнулась. — Так ты шутишь...

— С чего ты взяла? Правду говорю. Он пришёл, я его в порыве чувств прибила. Теперь лежит, остывает.

— Ксю, но я же серьёзно...

— Так и я серьёзно. С чего ты решила, что я несерьёзно? Я вообще по жизни — серьёзнее не бывает.

— Ксю... Ну так бы и сказала, что Коля не у тебя, чего ты комедию ломаешь... Правда, я в таком случае не понимаю, где он может быть...

— А я даже понимать это не хочу. И не только это. С чего вдруг бывший муж решил, что он может ко мне притащиться и начать нести чушь, я тоже не хочу понимать.

— Мне он сказал, что задолбался. Что с тобой ему было хорошо и спокойно, а я... — Ленка тяжело вздохнула, и Ок-

сана фыркнула. Сочувствия к этой парочке в ней не было ни на грамм. Хорошо и спокойно — ну естественно. Ленка — натура взрывная, Оксана — обычная. Ленка — кокетливая и обворожительная, Оксана — прямолинейная, временами ехидная и простая, как пять копеек. Жить с Ленкой — как есть красную икру каждый день: поначалу вкусно, классно и красиво, а потом приедается и печень начинает болеть.

Если бы речь шла только о Ленке с Колей, Оксана лишь посмеялась бы над этой ситуацией. Однако...

— Слушай, но у вас ведь ребёнок. Коля поехал кукухой, что ли? Как можно бросить собственного ребёнка и пытаться уйти к бывшей жене?! Это какой-то сюр, честное слово. Может, он упал и головой ударился?

— Если бы. А Варя... Ну, ты же помнишь, Коля не хотел детей, вы из-за этого и подождать решили, родить попозже. Так он и продолжает не хотеть детей, Варя его не впечатляет. Оксана уныло погладила между ушей Ёлку и вздохнула.

Нет на этом свете справедливости. Если бы была, то дети появлялись бы только в тех семьях, где их ждут и заранее любят. Бедная Варя. Такая маленькая, а уже не нужна своему папе, да и маме наверняка тоже не особенно...

Стало тошно и противно.

— В общем, нет у меня Коли, — заключила Оксана, стремясь поскорее закончить разговор. — Нет, никогда не было и ни за что не будет. Всё понятно, Лен?

— Да. А...

Но Оксана не стала слушать дальше — положила трубку. Вновь погладила Ёлку, дивясь тому, что когда-то, ещё во время учёбы в институте и потом во время брака, очень любила Колю. А теперь... что осталось от той любви? Иногда в подобных случаях чувства сравнивают с пеплом, но... в пепле может остаться тлеющая искра, а Оксана не ощущала в себе никаких искр. Презрение, брезгливость, недоумение — вот и всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.